

*Детективы
о женщине-спихии*

Ирина **ГРАДОВА**

СКОЛЬКО СТОИТ ТВОЯ СМЕРТЬ

Ты остановишь цунами

Детективы о женщине-стихии

Ирина Градова

Сколько стоит твоя смерть

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Сколько стоит твоя смерть / И. Градова — «Эксмо»,
2016 — (Детективы о женщине-стихии)

ISBN 978-5-699-87544-3

Молодой врач Тамара Дадиани неожиданно получает известие о гибели на Мадагаскаре бывшего мужа, эпидемиолога Ивана Баландина. Несмотря на развод, они остались хорошими друзьями, поэтому Тамара, недолго думая, отправляется на «красный остров» с целью докопаться до причин смерти дорогого ей человека. Сначала ее пытаются убедить, что Иван торговал наркотическими препаратами и был застрелен «подельниками», потом – что его убили исламские террористы Мадагаскара. Тамара понимает, что все это – ложь. Она знакомится с кашмирским хирургом Тахиром Догрой и узнает, что местных жителей косит неизвестная болезнь, во многом напоминающая менингит. Однако обычное в таких случаях лечение не помогает, и Тамара догадывается, что Иван, похоже, лишился жизни именно по этой причине...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87544-3

© Градова И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Ирина Градова Сколько стоит твоя смерть

© Градова И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Когда в моей питерской квартире раздался телефонный звонок, я никак не ожидала, что он перевернет всю мою жизнь и заставит отправиться на край света – в буквальном смысле! Я понятия не имела, кто такой Ив Сегье, однако он упомянул имя Ивана, и я была заинтригована. Потому-то и согласилась встретиться, так как он отказался объяснять причину визита по телефону.

Иван... О, этого человека невозможно забыть! Огромный, словно буйвол, громогласный, некрасивый, с крупными чертами лица, буйной рыжевато-каштановой шевелюрой и кистями размером с чашу экскаватора – как эти лапищи умели обнимать! Но, разумеется, я пленилась не «красотой» Ивана, а его неистребимым жизнелюбием, чувством юмора и железной волей. Иван считал, что его миссия состоит в том, чтобы помогать людям. Он забирался в самые удаленные уголки земли, по возможности, наиболее бедные и нуждающиеся. Ангола, Йемен, Афганистан, Сирия – лишь некоторые из неблагополучных точек на карте, куда заносила его судьба. Не было в мире силы, способной остановить этого человека. Вернее, я так считала.

В кухне, сидя напротив Ива Сегье, я выслушала от него историю трагической гибели Ивана Баландина, моего учителя, бывшего мужа, но главное – лучшего друга. Правда, «историей» его рассказ можно назвать с большой натяжкой: труп Ивана нашли на выезде из поселка в забытом богом месте, в ста километрах от столицы Республики Мадагаскар!

Переважив новость, я подняла глаза на принесшего ее человека. Ив Сегье был умопомрачительно красив. Темноволосый, голубоглазый, с кожей, покрытой ровным загаром, и точеными чертами лица, он напоминал греческие статуи. Однако у Ива имелось одно существенное отличие от мраморных изваяний: его лицо было живым и подвижным, что крайне редко встречается у красивых людей. Сейчас оно выражало неподдельную печаль.

– Мне очень жаль, – произнес он, сочтя, что молчание чересчур затянулось. – Мы часто беседовали с Иваном о вас. Думаю, вы много для него значили.

Наши отношения с Иваном прошли все возможные стадии – от взаимной неприязни до влечения, секса и даже штампа в паспорте, – на смену которым пришли привязанность и крепкая дружба. Иван писал мне на электронную почту, когда находился в пределах досягаемости Интернета, и звонил, если добирался до телефона. В последний раз мы общались две недели назад. По-настоящему – *в последний*.

– Как... погиб Иван? – спросила я, справившись с первым шоком.

Ив опустил глаза. Это длилось всего одно мгновение, но я поняла, что что-то не так. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде была решимость.

– Он был убит.

– Ч-что?!

– Выстрелом в голову.

– Вы видели тело?

– Да. – Он снова опустил глаза. – Судя по тому, как... короче, похоже, Иван стоял на коленях, когда его застрелили.

– Известно, кто это сделал?

Во рту у меня было сухо, как в сауне, и я с трудом ворочала языком. С Иваном нас давно не связывало ничего, кроме дружбы, однако представить, что этого большого, сильного человека, *русского медведя*, убила всего одна маленькая пуля... Невозможно!

– Нет, – ответил на мой вопрос Ив. – Полиция открыла дело, но виновника вряд ли отыщут: доктор Баландин, как мне сказали, оказался *не в том месте не в то время*. Все сводится к тому, что ему не следовало таскаться по «неблагополучным» районам страны, игнорируя опасности, подстерегающие *белого человека* на каждом шагу.

– Что он делал в том поселке? – недоумевала я. – Один?

– Понятия не имею.

В кухне повисло тяжелое молчание, нарушаемое только шумом мотора холодильника. Внезапно Ив оживился.

– Да, я же должен вам кое-что передать... Вот. – Он вытащил из-за пазухи конверт и протянул мне. Внутри находилось что-то маленькое и твердое. На мою ладонь выпал плоский золотой диск, тускло блеснувший в искусственном свете лампы. Одна его сторона была гладко отполирована, на другой проступали какие-то символы.

– Это было на шее Ивана, – пояснил Ив. – Больше никаких личных вещей при нем не обнаружили.

– Странно, – пробормотала я, вертя в руке диск. – Это ведь недешевая вещица: почему же убийца ее не забрал?

– Не спрашивайте, – покачал головой Ив. – У меня самого полно вопросов к полицейским!

Мы снова помолчали.

– А как вы познакомились с Иваном? – спросила я спустя несколько минут.

– Он мастерски вправил мне вывихнутое плечо.

– И где же вы умудрились заполучить такую травму? – не удержалась я от вопроса, так как Ив представился мне работником французского посольства в Антананариву.

– Несчастный случай – ничего криминального, поверьте. Мы дружим... дружили пять лет.

– Но Иван жил на Мадагаскаре всего полгода!

– А я и не говорил, что мы там познакомились, – пожал плечами Ив и почти сразу же добавил: – Что ж, мне, пожалуй, пора!

– Уже уходите? – всполошилась я.

– Я в Санкт-Петербурге проездом, сопровождал тело... Вернее, прах: по понятным причинам Ивана пришлось кремировать, а родственников у него, как выяснилось, нет. Кроме вас. Вечером вылетаю в Антананариву. Если захотите со мной связаться, звоните.

Положив визитную карточку на стол, он поднялся и направился к выходу. Я, как зомби, неотступно следовала за ним. Когда дверь за французом захлопнулась, я ощутила пустоту. Она образовала вакуум вокруг меня, наступая, сжимаясь и лишая способности дышать. Сейчас ко мне по-настоящему пришло осознание того, что Ивана *больше нет*. Наши романтические отношения давным-давно закончились, но он всегда *был*. Даже издавека, с другого конца мира он мог связаться со мной, и мы не ощущали ни разделяющего нас расстояния, ни времени, прошедшего с момента последней встречи. Нам вовсе не обязательно было видеться, чтобы держать руку на пульсе друг друга и делиться радостями и проблемами, не боясь быть неправильно понятыми. А теперь все кончилось.

Некоторое время постояв напротив закрытой двери, я вернулась в кухню и плюхнулась на табурет. На столе, словно назойливое напоминание о случившемся, стояла деревянная резная чаша с тем, что осталось от Ивана. Не знаю, сколько я так просидела – может, час, может, и дольше. А потом поднялась и отправилась к компьютеру: я приняла решение.

* * *

Ивату бурлил – я вряд ли могла ожидать подобной оживленности от маленького аэропорта, хоть и носящего гордое звание «международного». Расположенный всего в семнадцати километрах от столицы Мадагаскара Антананариву, внешне он напоминал бунгало. Полет показался мне длиной в вечность (тринадцать часов – и это без учета стыковки в Париже!), хотя в целом путешествие с «Эйр Франс» оказалось вполне комфортабельным. В журнале-путеводителе, втиснутом в сетку переднего сиденья, я прочла, что в две тысяча десятом году в аэропорту Ивату началась масштабная реконструкция, ставящая целью постройку трех взлетно-посадочных полос и автостоянки.

Заказывая билеты, я выяснила, что визу можно проставить по прибытии. При прохождении данной процедуры мне вспомнился старый анекдот: «Сколько электриков требуется, чтобы ввернуть лампочку?» Как вы думаете, сколько служащих «работает» над выдачей визы в Ивату? Семь! Первый взял денежку за марку, второй ее наклеил и отдал мне паспорт. Третий расписался в бумажке, которую я заполнила еще в самолете, и передал паспорт другому сотруднику. Тот бумажку вынул и отдал паспорт дальше. Служащий отметил что-то в компьютере и передал паспорт следующему в цепочке. Этот еще раз проверил наличие марок и положил паспорт рядом с сотрудницей, которая в конце концов и вернула его мне. Все эти действия выглядели деловитыми и неспешными, словно ни работникам, ни приезжим совершенно некуда торопиться. Впоследствии я узнала, что и жизнь на Мадагаскаре протекает в том же неспешном ритме, так отличающем ее от жизни в Европе или России.

Поменяв двести долларов на мадагаскарские ариари прямо в аэропорту, на автобусе «Эйр Мадагаскар» я добралась до центра столицы, где располагался вполне приличный отель под названием «Таж». Проведя небольшое интернет-исследование перед поездкой, я уяснила несколько важных вещей, касающихся мадагаскарского туризма. Во-первых, лучше все бронировать заранее – от такси до отеля, так как в разгар сезона можно остаться и без машины, и без

комнаты. Во-вторых, шикарных гостиниц нет даже в столице, так как туда едут не за роскошью, а за впечатлениями. В-третьих, карточки практически бесполезны ввиду отсутствия банкоматов, и в ходу только наличность. И, наконец, в-четвертых: несмотря на низкий уровень жизни местного населения, следует запастись большой суммой денег, так как все вокруг дорого. С последним проблем не ожидалось: папа одолжил столько, сколько я попросила – в конце концов, должен же он замаливать грехи перед бывшей семьей? На мою зарплату по мадагаскарам не разъездишься, так что выбирать не приходилось.

В номере отеля имелось все необходимое: вентилятор, кровать и телевизор. Что удивило, так это отсутствие холодильника. На мой вопрос администратор что-то невнятно пробормотал насчет перебоев с электричеством – по этой причине, дескать, ставить холодильники в номерах нет смысла. С другой стороны, в «Таже» был отличный ресторанчик с разнообразным меню, а во внутреннем дворике можно было отведать еду со шведского стола, на чем я в конечном итоге и остановилась. Купив у администратора две бутылки воды (еще одно предупреждение из Интернета: никогда, ни при каких обстоятельствах не пить сырую воду на Мадагаскаре!), я заселилась и развесила в фанерном шкафу свой небогатый гардероб. Какой смысл брать с собой кучу вещей, когда едешь в Африку? В Африку: боже, разве могла я представить, что когда-нибудь окажусь поблизости от Черного континента?! По работе мне приходится путешествовать, но в основном по Европе. Как вирусолог-иммунолог, я раз в квартал посещаю конференции и симпозиумы, но – Африка?! Хорошо еще, что французский, которым я владею в совершенстве благодаря маме, до сих пор преподающей этот язык в университете, является официальным языком Мадагаскара.

В номере на меня навалилась тоска: впервые за время путешествия из аэропорта я вспомнила, зачем приехала. Откупорив бутылку воды, я вышла на балкон и осмотрелась. Подо мной пролегла оживленная улица, по которой свободно бегали собаки и дети, ловко увертываясь от медленно едущего транспорта. Небо было бирюзово-синим и безоблачным, словно кто-то натянул над головой отрез однотонной шелковой ткани. Господи, что я здесь делаю? Нет, все это одна большая ошибка: мне не следовало лететь к черту на кулички в надежде выяснить хоть что-то о гибели Ивана! Как, спрашивается, я это сделаю?! Говорил мне папа... Когда я его слушала?

Требовательный стук снаружи прервал мои невеселые размышления. Кто бы это мог быть? Открыв дверь, я оказалась лицом к лицу с разъяренным Ивом Сегье.

– Какого черта вы здесь делаете?! – воскликнул он, влетев в номер и едва не сбив меня с ног. – Это же безумие!

Отступив в глубь помещения, я уперла руки в бока и с вызовом вперила взгляд в незнамого гостя.

– Нет, это *вы* что тут делаете? Я вас, между прочим, не приглашала!

Ив открыл было рот, но потом закрыл его и прошелся от двери до балкона и обратно. Когда француз заговорил, в его тоне уже отсутствовал гнев.

– Простите меня, Тамара, но я шокирован вашим неожиданным прилетом!

– А чего вы ожидали: что я молча проглочу новость о смерти Ивана и стану дожидаться вестей из посольства? Судя по всему, никто не собирается расследовать его гибель, но Иван имеет на это право!

Ив зачем-то посмотрел в окно, потом тяжело опустил на застеленную лоскутным покрывалом кровать.

– Тамара, вы не понимаете, во что пытаетесь влезть, – тихо сказал он, глядя на меня снизу вверх.

– Тогда расскажите! Я вижу, вы что-то скрываете, но не понимаю почему: у Ивана не было врагов, он миролюбивый человек, несмотря на то, какое впечатление производила порой его внешность...

– Я ничего не скрываю, – покачал головой Ив. – Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы привлечь виновных к ответственности! А вам, Тамара, лучше вернуться. Здесь очень своеобразные люди, чужие обычаи, и вы, не зная всех тонкостей, можете оказаться в беде!

– Хорошо, – вздохнула я, усаживаясь в плетеное кресло напротив кровати. – Дайте мне пару дней, ладно? Если за это время я ничего не выясню, то вернусь домой и буду ждать новостей от вас.

– Да как вы собираетесь выяснять? – недоуменно развел руками мужчина. Я невольно отметила, что, несмотря на жару, он, одетый в белоснежную рубашку и серый хлопчатобумажный костюм, по-прежнему выглядит так, словно только что сошел с подиума – ни один волосок его каштановой шевелюры не выбился из прически.

– Пока не знаю, – честно ответила я. – Обещайте, что не станете мне мешать и уговаривать убраться, по крайней мере в течение двух суток?

– Ладно, – с тяжелым вздохом ответил Ив. – Обещаю. А вы обещайте, что будете осторожны и станете держать меня в курсе всех своих передвижений. И еще одно: ни в коем случае не вздумайте ехать в деревню, где погиб Иван. Если такое придет вам в голову, немедленно звоните!

– Договорились!

Как только за работником посольства закрылась дверь, я опустилась на кровать. Голова лопалась от невысказанных вопросов. Как, черт подери, *французский* дипломат мог узнать о моем нахождении в Антананариву? Только одним способом – он следил за мной, но зачем? Почему примчался в отель с целью уговорить меня вернуться домой? Все это в высшей степени подозрительно, и я обязательно выясню, что к чему!

Взяв мобильник, я набрала номер, который нашла в Интернете еще дома.

– Андрэ слушает! – раздался бодрый голос в трубке.

– Это Тамара, – сказала я. – Мы связывались вчера...

– Да-да, Тамара! – радостно перебил гид: я так и видела, как он энергично кивает головой. – Чем могу служить?

– Вы не могли бы отвезти меня кое-куда?

– Нет проблем! Где вы остановились?

– В «Таже».

– Дайте мне пятнадцать минут.

В ожидании гида я вышла в холл. В этот час он был совершенно пуст. Администратор кинул на меня беглый взгляд, наградив дежурной белозубой улыбкой, и вернулся к компьютеру. Опустившись в мягкое кресло, я расслабилась, через стекло наблюдая за тем, как у бассейна резвится группа молодежи. Пока я гадала, откуда эти ребята, в широко распахнутые двери влетел юркий молодой человек и, оглядевшись, направился ко мне. По мере его приближения я поняла, что ошиблась насчет возраста: парню никак не меньше пятидесяти, но его резкие, ловкие движения и гибкость тела на расстоянии способны обмануть кого угодно. Морщины вокруг черных и влажных, как маринованные маслины, глаз и губастого рта говорили об опыте не зря прожитых лет, а в курчавых волосах кое-где проглядывала седина. Широко улыбнувшись, мужчина окинул меня внимательным взглядом и произнес:

– Здравствуйте. Я Андрэ. Куда едем?

– В больницу...

– Вы заболели?

– Нет, мне просто нужно в клинику Святого Франциска Ассизского. По делу.

– Я знаю, где это!

Всю дорогу до больницы, в которой, по словам Ива, работал Иван, Андрэ болтал без умолку. От него я узнала, что Франциск Ассизский, хоть и не имел прямого отношения к острову Мадагаскар, являлся итальянским религиозным деятелем, отказавшимся от богатства и

посвятившим себя проповеди евангельской бедности. В тринадцатом веке он основал братство миноритов, позднее преобразованное в монашеский орден францисканцев. Из путеводителя мне было известно, что лишь половина малагасийцев исповедуют традиционные религии. Среди них примерно поровну католиков и протестантов, десять процентов мусульман и некоторое количество православных. Остальные пятьдесят процентов верят в *единого бога*.

– Нашего бога зовут Андриаманитра, – разглагольствовал Андрэ, пространно отвечая на вопрос, который я имела неосторожность задать. – Это означает что-то вроде... «*Благоуханный господин*». Но у него есть еще одно имя – Занахари, или Создатель. Даже глава государства присягает *Андриаманитре, народу и предкам*! Бог создал мир, но потом разочаровался и покинул нас, зато предки принимают активное участие в жизни людей, помогают своей семье или наказывают за несоблюдение обычаев и нарушение *фади*.

– *Фади*? – переспросила я.

– О да, *фади*, мадам, – закивал гид, глядя на меня в зеркало. – Это, как бы вам объяснить... то, чего нельзя делать, то, что запрещено.

– По закону? – уточнила я.

– По закону *предков*.

Интересно, подумала я, надо будет навести справки насчет этих *фади*, дабы не попасть впросак (в путеводителе о них ни слова!).

– Кроме бога и предков, – продолжал мой гид, – мы почитаем духов и приносим им в жертву зебу¹ и кур. Наша *винтана* напрямую зависит от соблюдения обычаев...

– Что зависит?

– Судьба. Для управления судьбой требуются советы астрологов. Они делают амулеты, которые хранят нас от злых духов и людей. Даже устройство дома и расстановку мебели принято обсуждать с астрологом.

– Что-то вроде фэншуй?

– Точно! – обрадовался моей понятливости Андрэ. – А вот, кстати, *ваш* храм! – И он ткнул пальцем в правое окно машины. – Кафедральный собор Успения Богородицы постройки сорок седьмого года прошлого века. Правда красивый?

– Очень. Андрэ, а долго еще ехать?

Я поняла, что гид решил повозить меня по столице подольше, рассудив, что раз уж я не больна, то вопрос жизни и смерти не стоит.

– Мы почти на месте! – весело отозвался он. Похоже, ничто на свете не могло лишить этого человека оптимизма.

Честно признаюсь, я не многого ожидала от столицы Мадагаскара. После телевизионных передач про Африку глубоко в подкорке угнездилась мысль о том, что дома здесь исключительно из соломы, а люди ходят в набедренных повязках. Я, конечно, еще мало что успела повидать, однако с облегчением увидела, что малагасийцы носят европейскую одежду (включая свитера по вечерам – а как же, холодает ведь после заката аж до двадцати пяти градусов!), а дома строят из кирпича и дерева. Внутри, правда, учреждение здравоохранения меня разочаровало. Крохотные помещения, куча народу и – никакого оборудования. Может, в операционных иначе, однако в смотровые кабинеты загоняли сразу по несколько человек, и два-три врача скоренько делали свое дело. В шкафчике, попавшемся мне на глаза, я увидела бутылочки с зеленкой и йодом – во всяком случае, так мне показалось по цвету – и здоровенные бутылки с физраствором. Гомон стоял невероятный: несмотря на то что все говорили вполголоса, как воспитанные люди, происходило это одновременно, и смесь мальгашского, французского и английского языков сливалась в один непрерывный гул.

¹ Зебу – мадагаскарский бык.

Мое появление не вызвало ни малейшего интереса, ведь часть пациентов имели тот же цвет кожи, что и я – видимо, туристы. Одна из женщин в белом халате разогнулась, и мы встретились взглядами. Лет сорок. Широкое, открытое лицо, серые глаза и куча веснушек.

– Are you a patient? – спросила она.

– Нет, – ответила я тоже по-английски. – Я не пациентка. Я ищу кого-то, кто знал Ивана Баландина...

– Ивана? – Лицо женщины вытянулось. – А вы... вы, наверное, Тамара?

– Как вы догадались? – удивилась я.

Женщина сняла резиновые перчатки, вытерла руки одноразовой салфеткой, кинула ее в мусорный бачок и подошла поближе.

– Иван много о вас рассказывал, – приветливо улыбнулась она. – Я Мэдди.

– Мне знакомо это имя! – обрадовалась я. Действительно, Иван упоминал о некой Мэдди, с которой у него случился бурный, но быстротечный роман. Он не описывал ее внешность, только упомянул вскользь, что она вроде бы немного старше его. У Ивана имелась удивительная особенность: все любовницы впоследствии становились его подругами, и ни одна не хранила в душе обиды.

– Вы именно такая, как он рассказывал, – сказала между тем женщина.

– И что же он рассказывал? – поинтересовалась я: еще не хватало, чтобы Иван распространял обо мне слухи на другом конце мира!

– Что одна красивая блондинка снесла ему крышу, и с тех пор она так и не встала на место. Это из-за вас он сюда приехал?

– Сомневаюсь, – смущенно пробормотала я. – Ивана носило по всему земному шару, и в этом, скорее всего, виноваты гены.

– *Ген путешественника?* – приподняла короткую рыжеватую бровь Мэдди. – Впервые слышу о таком! – Внезапно она изменилась в лице, пробормотав: – Боже мой, а вы знаете, что Иван?..

– Погиб, да, – кивнула я, с трудом выговаривая это слово – странно, вроде должна бы уже привыкнуть! – Потому-то я и здесь.

Теперь Мэдди выглядела удивленной. Она собиралась что-то сказать, когда в смотровую вошел еще один мужчина в белом халате. Его кожа имела бронзовый оттенок, как у жителей Аравийского полуострова. Густые черные, слегка вьющиеся волосы, длинный ястребиный нос, красиво очерченные губы и брови вразлет резко контрастировали с курчавыми волосами и мягкими чертами лиц местного населения. Мужчина был среднего роста и прекрасно сложен – во всяком случае, насколько я могла судить по силуэту, вырисовывавшемуся под халатом. Мне почему-то показалось, что человека вроде этого меньше всего ожидаешь встретить в больничных стенах.

– А, вот и Тахир! – сказала Мэдди, и вошедший вопросительно взглянул в нашу сторону. – Тахир, это Тамара, – представила она меня.

Подойдя поближе, мужчина окинул меня внимательным взглядом, в котором, в отличие от Мэддиного, не было ни тени дружелюбия.

– *Та самая?* – уточнил он, обращаясь к ней, но не сводя с меня глаз. Удивительные глаза, подумалось мне, желтые, как у бенгальского тигра, с широким черным ободком, как будто для того, чтобы обозначить границы радужки.

Я впервые видела этого Тахира, но создавалось впечатление, что он от меня не в восторге.

– И что она здесь делает? – спросил он, снова обращаясь к Мэдди, как будто я была пустым местом.

– Она хочет поговорить об Иване, – сердито вмешалась я. – О том, как получилось, что он умер...

– Он не умер, – холодно перебил Тахир. – Его убили.

– Именно! И я здесь, чтобы...

– Боюсь, мы заняты, – перебил он. – Мэдс, разве у тебя нет пациентов? По-моему, там целая очередь!

– Да-да, – растерянно пробормотала Мэдди. – Извините, Тамара, у нас тут аврал... Не самое удачное время для беседы!

И она поторопилась вернуться к ожидающим ее больным. Тахир, прихватив парнишку с рукой на перевязи, удалился, оставив меня стоять посреди смотровой. Однако сдаваться я не собиралась: стоило ли лететь в такую даль, чтобы утереться и отправиться назад? Кроме того, это было бы ровно то, чего требовал Ив, а я еще должна выяснить, почему мой приезд так ему неуютен. Поэтому я вернулась в фойе и предупредила Андрэ, что задержусь.

– Надолго? – поинтересовался он.

– Возможно, до вечера. Так что можете быть свободны. Не волнуйтесь, оплату вы получите как за полный день.

Гид широко улыбнулся и попрощался. Усевшись на неудобный плетеный стул, я приготовилась к ожиданию: рано или поздно либо Мэдди, либо Тахир появятся, и им придется поговорить со мной, желают они того или нет! Время тянулось медленно. Чтобы его скоротать, я принялась наблюдать за окружающими. Видимо, больница Франциска Ассизского принимала пациентов всех возрастов: больше половины увиденных мною малагасийцев были моложе четырнадцати. Дети носились по помещению, но ни один из них ни разу не задел ни меня, ни кого-то еще, ловко и аккуратно распоряжаясь предоставленным пространством. Они не слишком шумели, что сильно отличало их от российских ребятишек, любящих покричать и поскандальить. Даже самые маленькие вели себя прилично.

Спустя три с лишним часа мое терпение было вознаграждено появлением Тахира. Снимая на ходу халат, он шел по коридору в направлении выхода. При виде меня мужчина замедлил шаг – ну спасибо и на этом!

– Вы еще здесь! – недовольно констатировал он.

– Я намерена получить ответы на свои вопросы и не уйду, пока не поговорю с теми, кто знал Ивана!

Потоптавшись на месте, Тахир тяжело вздохнул, свернул халат, бросив его прямо на стул рядом со мной, и сказал:

– Терпения вам не занимать! Предлагаю где-нибудь перекусить. Там и поговорим.

– Отличная мысль! – обрадовалась я: после долгого ожидания мой желудок требовал пищи так недвусмысленно, что я опасалась, как бы это не стало очевидно окружающим.

– Я припарковался на задворках, – бросил через плечо Тахир, когда мы вышли на улицу. – Ждите.

Я сочла за лучшее не спорить: в конце концов, есть и более серьезные темы для дискуссий. Я все гадала, какая же машина может соответствовать такому человеку, как доктор Тахир, когда к крыльцу подкатил старенький мотоцикл – по всему виду, владелец не слишком беспокоится об имидже!

– Ну, чего вы ждете? – нетерпеливо спросил Тахир. – Перерыв не бесконечный!

Подавив вздох, я уселась позади него, обхватив руками за пояс. Сделав это, я почувствовала под пальцами литые мускулы, чего трудно ожидать от человека мирной профессии – похоже, наш доктор фанат спорта.

Тахир повез меня мимо мест с красочными вывесками, обещающими туристам «вкусную еду и отличный отдых». Свернув с главной улицы и проехав пару переулков, мы снова повернули и остановились возле ничем не примечательного деревянного бунгало.

– Запомните это место, если задержитесь в Антананариву, – сказал Тахир, спешиваясь. – Заведения «для европейцев» грешат дороговизной, но там вы еще и рискуете отравиться или по меньшей мере остаться голодной: мальгаши ничего не понимают в *вашей* кухне!

Ресторанчик оказался полон, однако при виде Тахира хозяин, маленький, крепко сбитый малагасиец, подскочил и пригласил нас пройти в глубь помещения, за загородку. Она была тонкой и не доходила до потолка, однако создавала видимость уединения.

– Закажите вы, – попросила я, боясь ошибиться в выборе блюд.

– Вы едите мясо? – поинтересовался Тахир.

– Пожалуй, для мяса слишком жарко!

– Разнообразием местная кухня не блещет – в основном она состоит из риса с гарниром, который они называют «лаука».

– Рис подойдет, – кивнула я. – Только если не очень острый.

Пока Тахир выбирал, единственный официант принес два бокала с какой-то мутной жидкостью и с широкой улыбкой водрузил их на стол.

– Что это? – с подозрением спросила я.

– Ранун’ампангу.

– Это ни о чем мне не говорит.

– Попробуйте, – предложил Тахир.

Я с опаской пригубила напиток. Вкус был странный, но в общем приятный.

– Так все-таки, из чего это делают? – задала я вопрос, выхлебав половину бокала.

– Из остатков подгоревшего риса, залитых крутым кипятком, отфильтрованных и охлажденных.

– Вы правильно сделали, что не сказали сразу!

– Но вкусно ведь?

Спорить смысла не имело.

– Ну, – сказала я, допив остаток, – может, перейдем к делу?

– То есть поговорим об Иване? – уточнил Тахир. – Давайте задавайте ваши вопросы, но предупреждаю: если речь о том, за что его могли убить, то я не в курсе. Когда мы узнали, то все были в шоке: Иван никому не причинял зла, только помогал, и какая сволочь могла так с ним поступить, я не представляю!

Сказать, что я была разочарована, значит, не сказать ничего. Тем не менее я спросила:

– Может, вам известно, что он делал в той деревне? Как он оказался так далеко от вашей больницы?

– Там нет мобильной связи. Иван отпросился на неделю, сказав, что должен разобраться с одной проблемой. Тогда мы виделись в последний раз. Вам лучше поговорить с той женщиной, журналисткой, которая близко с ним общалась: если кто и знает, что произошло, думаю, это она.

– Что за женщина? – насторожилась я.

– Кажется, ее зовут Амели.

– Француженка?

– По-видимому. Я несколько раз встречал ее в больнице. А потом Иван ушел, толком ничего не объяснив.

– Очень странно, – пробормотала я. – Иван внезапно бросает работу и зачем-то удаляется в глухую деревню – вас это не удивило?

– Большинство наших врачей и медсестер ездят по деревням. У меня, к примеру, в одной даже есть собственная хижина... Одно необъяснимо, кто и почему его убил. Этого не могли сделать жители деревни, ведь местные – народ благодарный и уважительный.

– Значит, никаких предположений?

Тахир пожал плечами.

– А полиция? – не сдавалась я. – Что говорит полиция?

– Они говорят, во всем виноваты террористы.

– На Мадагаскаре есть *террористы*?!

– Террористы есть везде, – мрачно буркнул Тахир.

– И многих они убили?

– Только Ивана. Обычно врачей не убивают, – добавил он. – Берут в заложники – это да, но убийство! Я слышу о таком впервые!

Я удивилась приходу официанта, успев позабыть о том, зачем мы пришли, а именно – поесть. Меня настолько захватило то, о чем говорил Тахир, что чувство голода куда-то испарилось. Однако еда на деревянном подносе источала дивный аромат, и мой желудок, мгновенно вспомнив о цели визита, громко заурчал. Расставив блюда на столе, малагасиец, с лица которого не сходила улыбка, произнес «*Mazotoa homana!*» и неспешно удалился. Я и без перевода поняла, что его слова, скорее всего, означали «Приятного аппетита!».

Блюдо, доставшееся мне, было огромным.

– Что это? – спросила я, не узнавая ничего, кроме коричневого риса.

– Вы сказали, что не хотите мяса, и я заказал для вас царамасу с морепродуктами.

– *Царамасу*?

– Бобы в томатном соусе.

– Выглядит аппетитно!

– На вкус тоже ничего.

Некоторое время мы молча поглощали пищу. Вчера за ужином я слышала, как группа российских туристов обсуждала «ужасы» местной кухни. Они имели неосторожность заказать яичницу-глазунью. С первого захода у повара не получилось – он накрыл ее крышкой. Соотечественники попытались объяснить, что ни переворачивать, ни накрывать не надо. Через несколько минут принесли отдельно пожаренные желтки. Туристы объяснили, что нужно разбить яйца, вылить на горячую сковородку, посолить, поперчить, и все. В результате они получили *сырые* яйца, только разбитые на сковородку – они забыли добавить, что после всех манипуляций жарить яичницу все же необходимо! В конце концов россияне оставили попытки учить малагасийцев секретам европейской кухни и решили отныне питаться только в отеле. У меня, по крайней мере, теперь есть выбор.

– В деревне, где погиб Иван, есть полицейский участок? – спросила я, уничтожив больше половины порции.

– Разумеется, нет. Расследованием занимались столичные полицейские: именно они имеют дело с иностранцами.

– А вы не знаете, как найти Амели – ну, ту женщину, которая...

– Не знаю, – перебил Тахир.

– Думаете, у Ивана с ней что-то было?

– Несомненно.

Мне показалось, что утвердительный ответ на мой вопрос доставил врачу удовольствие. Мы снова замолкли, занявшись едой. Иван с уважением относился к своим подругам, даже тем, с которыми провел одну ночь. Но эта Амели явно не относилась к последним, и, что самое непонятное, в беседах со мной он ни разу не упоминал ее имени. Что это за таинственная женщина?

После трапезы Тахир подбросил меня до отеля. Всю дорогу мы не разговаривали, но, когда попрощались и я уже собиралась подняться по ступенькам в фойе, он неожиданно задал вопрос:

– Кто хоронил Ивана?

– Друзья. У него нет близких родственников. Мы похоронили его рядом с отцом и матерью.

– Это хорошо, – тихо сказал Тахир. – Он сейчас вместе с родными: больше всего на свете малагасийцы боятся, что их останки не будут покоиться рядом с предками... Хорошо.

С этими словами он развернулся и, ловко вскочив на своего «железного коня», газанул в сторону главной улицы. Я поднялась к себе, предварительно взяв ключи у портье, одарившего меня улыбкой и вернувшегося к просмотру футбольного матча на экране маленького телевизора.

В комнате было душно, и я включила вентилятор. Он начал медленное вращение, разрезая густой воздух сначала с трудом, но постепенно набирая обороты. Вода в бутылках, оставленных мной на подоконнике, была неприятно теплой на вкус, но я все равно сделала пару глотков, чтобы освежить пересохшее горло. А кто сказал, что будет легко? Можно сказать, мне даже улыбнулась удача, ведь я познакомилась с коллегами Ивана, нашла нормального гида и... Кстати, насчет гида!

Схватив телефон, я набрала номер Андрэ.

– Мадам Тамара? – раздался в трубке дружелюбный голос малагасийца. – Вы еще в больнице?

– Нет, Андрэ, я вернулась.

– Одна? – удивился он. – А почему мне не позвонили?

– Я справилась. Но мне снова нужна ваша помощь.

– Буду через десять минут.

Он появился через полчаса и жизнерадостно пояснил:

– Пробки!

– До сколько работает полицейский участок?

– *Участок?* – изумленно переспросил Андрэ. – Вас обокрали?!

– Нет-нет, ничего такого, – поспешила успокоить я гида. – Но мне нужен центральный участок, где занимаются проблемами приезжих.

– Странная вы туристка! – покачал он головой. – Все ездят лемуров посмотреть, или на пляж, или на рынок... А вы – то в больницу, то в полицию! С вами интересно. – И он снова широко улыбнулся.

Полицейский участок выглядел местечково – как я поняла, так выглядели почти все присутственные места на Мадагаскаре, даже в столице. Небольшое кирпичное здание стояло на неасфальтированном пятачке, где на самом солнцепеке вальяжно развалилось штук пять облезлых, но вполне довольных жизнью собак. На крылечке, в плетеном кресле, сидел человек в форме и курил. Его кожа, в отличие от кожи Андрэ, была золотисто-желтого оттенка, а глаза имели раскосый разрез. При виде нас с гидом полицейский и бровью не повел, продолжая сосредоточенно пускать колечки дыма в безоблачно-голубое небо. Войдя, мы оказались в темном коридорчике. На длинной скамейке сидели человек пять европейцев.

– Очередь, – спокойно констатировал Андрэ.

Я уже начала привыкать к тому, что в Антананариву дела быстро не делаются. Здесь никто никуда не торопится, а потому и от гостей Мадагаскара ждут того же философски-наплевательского отношения ко времени.

Мы провели в коридоре около часа, после чего нас пригласили в кабинет начальника участка. Тучный чернокожий малагасиец сидел на краешке стола и жевал жвачку. Андрэ поздоровался и представил меня. Полицейский лениво поднял глаза – казалось, ему нет до нас дела. Я начала объяснять ситуацию, а Андрэ переводить. При первом же упоминании фамилии Ивана, однако, скучающее выражение слетело с пухлого лица сержанта, и он, с трудом оторвав свой зад от поверхности стола, встал на ноги.

– Как вы сказали – *Баландин*? – переспросил он.

– Вы помните это имя? – уточнила я с надеждой.

– О, конечно же, кошмарное происшествие! – воскликнул хозяин кабинета. – Так жаль, так жаль! Мы не рекомендуем европейцам в одиночку ездить по провинции, и ваш... простите, кем вам приходился месье Баландин?

- Мужем, – солгала я: в конце концов, я не обязана сообщать о нашем разводе.
- Очень жаль, очень жаль, – снова повторил он, качая крупной головой. – Надо было доктору Баландину сидеть в столице, и ничего худого бы с ним не случилось!
- Не могли бы вы поподробнее рассказать мне о том, как он погиб?
- Ну, дело в том... – проговорил сержант как-то неуверенно. – Понимаете, мадам, на место выезжал другой офицер.
- Из вашего участка?
- Да. Но он составил подробный отчет.
- Могу я его посмотреть?
- Конечно.
- «Подробный отчет» представлял собой тонюсенькую папку, в которую были вложены два листка с текстом и фотография с места убийства. Я с трудом заставила себя взглянуть на труп Ивана.
- Выстрел в затылок... – пробормотала я. Курчавая голова Андрэ заглядывала через мое плечо. На лице гида застыла маска ужаса: он не предполагал, что, связавшись со мной, окажется участником криминальной истории.
- Да-да, в затылок, – подтвердил сержант. – Очень грубо! Но террористы так и действуют – грубо и безжалостно.
- С чего вы взяли, что смерть моего мужа – дело рук террористов?
- А кто еще мог такое сотворить?! – искренне изумился мой собеседник. – В той местности орудует группировка *Fifanampiana*...
- Как-как?
- *Fifanampiana*, «Солидарность», – перевел Андрэ.
- Это исламистская террористическая организация, – пояснил полицейский. – Они ненавидят европейцев и при случае похищают их с целью выкупа или освобождения членов своей организации по всему миру. Кстати, *Fifanampiana* имеет тесные связи с «Аль-Каидой».
- Только «Аль-Каиды» мне и не хватало – для полного счастья!
- И это все основания, по которым вы предположили причину смерти? – уточнила я. – Что их видели в той местности?
- А что еще нужно? – развел руками сержант. – Пуля, извлеченная из раны, выпущена из пистолета «Viper JAWS» девятого калибра, производства Иордании – такие как раз и находятся на вооружении у *Fifanampiana*.
- В пистолетах я разбираюсь, как мартышка в офтальмологии, потому и сказать мне на это было нечего.
- А есть свидетели убийства?
- Разумеется, нет: даже если кто-то что-то и видел, они ни за что не скажут!
- Почему?
- Потому что местные жители предпочитают поддерживать с террористами паритетные отношения. Селяне террористам неинтересны, а те, в свою очередь, никогда не вмешиваются в их дела.
- И что, эта... *Fifanampiana* наносит много вреда?
- Да не особенно, – пожал плечами сержант. – Мадагаскар – мирный остров, и для безопасности туристов здесь делается все возможное! Просто лучше европейцам не бродить по острову в одиночку, а пользоваться услугами гидов: они не заведут вас в сомнительные места, и все останутся довольны.
- Так дело об убийстве Ивана Баландина закрыто?
- Что вы, нет! Но оно уже не в нашей юрисдикции – его передали подразделению по борьбе с терроризмом. Мадам, как только мне станут известны подробности гибели вашего мужа, я лично извещу вашего посла в Антананариву...

Садясь в машину Андрэ, я размышляла над услышанным. Получается, никакого расследования убийства Ивана не проводилось? По пуле они определили тип оружия и решили, что во всем виноваты террористы. Естественно, искать убийц никто не собирается! Если, как сказал сержант, эта *Fifanampiana* и в самом деле связана с «Аль-Каидой», становится ясно, почему наше посольство не предпринимает ничего в связи с гибелью Ивана: кому охота заниматься международным терроризмом?

– С вами все интереснее, – услышала я голос Андрэ и вернулась к действительности. – Террористы – это ж надо! А он и вправду ваш муж, этот *Иван*?

– Бывший, – механически поправила я. – А мы можем сейчас поехать в российское посольство?

– Сомневаюсь, что они еще работают, – пробормотал Андрэ, глядя на часы. – Давайте завтра с утра? А сейчас я отвезу вас в отличное место, где можно поужинать...

– Спасибо, не стоит, – прервала я гида. – Лучше в отель, я устала.

– Понимаю, – сочувственно закивал малагасиец. – В отель так в отель!

Расплатившись с Андрэ, я договорилась о встрече на следующий день и поднялась в номер. Есть не хотелось, однако прошло больше суток, а я пока не свела знакомство ни с кем из обитателей «Тажа»: не пора ли это сделать? По всему выходит, Мадагаскар вовсе не так безопасен, как кажется, и неплохо бы заручиться поддержкой соотечественников – просто на всякий пожарный.

К несчастью, все соотечественники уже поели, и мне пришлось в одиночестве похлебать жиденького супчика и выпить чашку кофе – приставать к незнакомым иностранцам я не решилась.

Поднявшись в номер, я услышала странные звуки, доносившиеся снаружи. Распахнув дверь на балкон, я покрутила головой, пытаясь сообразить, что происходит.

– Лягушки, – услышала я французскую речь: на соседнем балконе стояла женщина лет тридцати пяти в коротком цветастом халате и махровом полотенце, обернутом вокруг головы. Двумя пальцами правой руки она сжимала длинный мундштук со вставленной в него сигаретой.

– Вдоль дорог идут канализационные канавы, – пояснила моя неожиданная собеседница. – В них живут тучи лягушек и по ночам устраивают такие концерты, что телевизор не всегда слышно! А на стеклопакетах здесь экономят... Кстати, меня зовут Эжени Леблан.

Я тоже представилась.

– Не хотите зайти? – предложила соседка. – У меня есть бутылка отличного французского бордо!

Я с радостью приняла приглашение и уже через пять минут сидела в кресле на балконе в номере Эжени. Лягушки голосили, словно ободренные появлением благодарных слушателей. Она открыла обещанную бутылку вина и налила его в пластиковые стаканчики.

– Вино хорошее, – с улыбкой подавая мне стаканчик, сказала она. – Посуда ужасная!

Осторожно, чтобы не показаться невежливой, я разглядывала Эжени. При ближайшем рассмотрении она оказалась старше, чем мне думалось, – никак не меньше пятидесяти. Обманулась я по причине стройной фигуры и энергии, сквозившей в ее голосе и движениях.

– Вы не похожи на туристку, – заметила француженка.

– Почему вы так решили?

– Туристы носятся по острову группами в поисках впечатлений, увешанные камерами и фотоаппаратами. Они приползают в отель только к ночи и спят как убитые. А вас, похоже, достопримечательности не интересуют?

– Как и вас?

– Я – другое дело, – усмехнулась Эжени. – Я здесь работаю, а не отдыхаю.

– В самом деле?

– Фармацевтическая компания, знаете ли, скука смертная!
– Ну почему же? – возразила я. – Это очень интересно. Я сама врач...
– О, вы медик! – радостно перебила Эжени. – Какое счастье, а то даже поговорить не с кем! В какой области, если не секрет?

– Вирусология и иммунология.

– Здорово!

– А почему вы живете в «Таже», если вы в командировке?

– Да, в длительной. Обещали корпоративную жилплощадь, но я, как увидела тамошние условия, сказала – мерсі, лучше уж я в гостинице поживу! Так что вы-то здесь делаете?

Я рассказала Эжени о том, зачем приехала в Антананариву. Женщина слушала внимательно и заинтересованно.

– Вот это история! – пробормотала она, не замечая, что сигарета в мундштуке догорела. – Мне жаль, что такое случилось с вашим бывшим – жуткое происшествие! Знаете, террористы здесь не слишком активны, но инциденты порой случаются. Что вы теперь станете делать – вернетесь домой?

– Ни за что! – тряхнула я головой. – Не для того я тащилась за тридевять земель, чтобы уехать, так и не получив ни одного вразумительного ответа на свои вопросы. Съезжу в посольство России, они должны что-то знать!

– Скажу по опыту, – задумчиво произнесла француженка, – дипломатические службы не жалуют таких, как вы.

– Почему?

– Вы представляете себе, что значит быть послом в таком месте, как Мадагаскар?

– И что же?

– Это как целыми днями валяться на океанском пляже с коктейлем и пялиться в небеса! Время от времени происходят «культурные» события, и тогда на посольской глади появляется легкая рябь, но ненадолго – потом снова наступает полный штиль. Поэтому людей вроде вас, Тамара, воспринимают как возмутителей спокойствия, мешающих их безоблачному существованию.

– Что ж, – упрямо сказала я, – придется им оторвать свои толстые задницы от стульев и рассказать мне все, что известно о гибели Ивана, я их в покое не оставлю!

С полминуты Эжени смотрела на меня, словно я являлась интересным палеонтологическим экспонатом, а потом запрокинула голову и звонко расхохоталась.

– Вы мне нравитесь, Тамара! – с трудом выговорила она, утирая глаза кончиком полотенца, намотанного на голову. – Может, действительно пора заставить дипломатов поработать?

* * *

– Значит, в родственных связях с Иваном Баландиным вы не состоите? – уточнил невысокий, плотный мужчина в мятом льняном костюме. Пресс-секретарь дипломатической службы Виталий Сергеевич Кравченко походил скорее на отдыхающего, чем на ответственное лицо посольства России. У него было пухлое, загорелое лицо и лоснящаяся лысинка, стыдливо прикрытая несколькими волосками: видимо, мужчина еще не смирился с потерей волос и надеялся оттянуть момент, когда его «несчастье» станет очевидно всем.

Я сразу поняла, к чему он клонит, поэтому ощерилась:

– А если и так, что, пошлете меня обратно в Россию с прощальным советом не вмешиваться в дела *чужих* людей?

Кравченко явно не ожидал, что я перейду в наступление.

– Я вовсе не имел в виду ничего такого! – пробормотал он неуверенно.

– Думаете, – продолжала нападать я, – раз у Ивана нет близких родственников, то некому и разбираться с его смертью?! Пусть у него нет родных, зато есть друзья, и они этого дела так не оставят!

– Хорошо-хорошо, – сдался он, – вы лучше присядьте, Тамара...

– Георгиевна.

– Тамара Георгиевна, – повторил он медленно, словно мое имя было столь сложным, что с ходу его и не запомнить. – Присаживайтесь, и давайте поговорим.

– Давайте. В полиции мне сказали...

– Вы побывали в полиции?!

– Естественно!

– И... что?

– Получила расплывчатые сведения – главным образом, уяснила, что всерьез заниматься расследованием местная полиция не намерена.

– Чего же вы хотите от нас? Мы – всего лишь дипломатическая служба, а не ФСБ!

– Разве вы не обязаны провести свое расследование, ведь дело касается *вашего* гражданина?!

– А мы сделали все возможное. Наш представитель побывал на месте происшествия, собрал сведения, составил отчет...

– Кого-нибудь задержали? – перебила я. – Вы выяснили имя убийцы или успокоились, «составив отчет»?

– Послушайте, – начинал сердиться Кравченко, – если даже полиция умывает руки, что можем сделать мы в чужой стране?

– Предполагается, что вы можете защитить своих граждан, – ответила я. – Или ваши обязанности с некоторых пор изменились?

– Если *наши* граждане бродят по острову, игнорируя опасность, то мы не в состоянии их защитить! Иван Баландин не обращался к нам с просьбой о защите, более того, предполагалось, что он работает в больнице Франциска Ассизского, а не разъезжает по окрестным деревням в поисках приключений! Может, лучше не ворошить это дело, а то могут вскрыться неожиданные факты, которые не понравятся ни вам, ни нам!

– О чем это вы? Хотите сказать, что Иван занимался чем-то незаконным?

– Я лишь говорю, что не стоит слишком глубоко копать.

– Если вам что-то известно, вы должны мне рассказать! – потребовала я. – Мне все равно, что это такое, но я хочу знать!

Кравченко тихонько крикнул, закидывая ногу на ногу. На его брючине отпечаталось влажное пятно: в кабинете было душно, и мужчина сильно потел. Он выглядел нерешительным – очевидно, прикидывал, во что ему обойдется правда.

– Хорошо, – наконец сказал пресс-секретарь. – У нас появились некоторые сведения, как бы это сказать... порочащие Баландина.

– Порочащие... Ивана?!

– Понимаю, вам тяжело это слышать, но вы сами хотели...

– Продолжайте!

– Так вот, есть информация, что господин Баландин был вовлечен в торговлю наркотическими препаратами.

Час от часу не легче: сначала террористы, а теперь вот выходит, Иван был наркобароном?!

– Вы все время говорите «есть информация», «имеются сведения» – где источник?

– Простите, не могу сказать.

– Почему?

– Видите ли, Тамара Георгиевна, нам невыгодно, чтобы эта информация распространилась. В мире пристально следят за каждым шагом России, и не все «наблюдатели» друже-

ственны нам. В большинстве своем они были бы только рады скомпрометировать российского гражданина!

– Так вы поэтому не пытаетесь ничего сделать?

– Мы *пытаемся*, но так, чтобы никто не узнал лишнего. Это дипломатия, понимаете? Я и сам хотел бы знать больше, однако лучше, если все будут считать, что доктор Баландин погиб от руки *Fifanatriana*, а не был казнен собственными поделниками-наркоторговцами!

– Наркоторговцами?! – взвилась я. – Да что вы несете! Иван никогда не стал бы торговать наркотой, он – врач, *врач*, слышите вы меня?!

– Прекрасно слышу, – поморщившись от моих децибел, кивнул Кравченко. – И я вовсе не заинтересован в том, чтобы распространять эту информацию. Мы будем помнить доктора Баландина как человека, отдавшего жизнь служению людям в лучших традициях русской интеллигенции...

Дальше я не слушала. Речь Кравченко походила на не раз отрепетированное политическое заявление, и становилось кристально ясно, что получить от него хоть сколько-нибудь полезные сведения – гиблое дело.

Оглушенная, я вышла из здания, машинально предъявила паспорт по требованию охранника и остановилась на залитом солнцем тротуаре. Мимо проезжали машины и рикши, а я все пыталась осмыслить услышанное. Иван торговал наркотиками – абсурд! Для любого, кто его знал, это звучало как глупая шутка, но в посольстве, кажется, придерживаются другого мнения.

– Вы в порядке? – раздался у меня над ухом озабоченный голос Андрэ.

– Я-то да... Ерунда какая-то!

– Не хотите поделиться?

– Лучше вам не знать, Андрэ, – сказала я, тряхнув головой. – Скажите, насколько далеко вы возите туристов?

– Настолько, насколько хватит оплаченного ими бензина, – улыбнулся гид. – Я так понимаю, вы не парк лемуров имеете в виду?

* * *

На следующий день я поднялась с рассветом, так как Андрэ предупредил, что до пункта нашего назначения долгий путь и проделывать его по жаре – не самая лучшая идея. Приняв душ и нацепив футболку и серые льняные брюки, я посмотрела в зеркало. Хорошо, что мои волосы такие короткие: не приходится тратить времени на укладку. До восемнадцати лет я носила косу, а потом остригла ее почти до «ежика». Помню, мама едва в обморок не бухнулась, увидев мой новый образ, а случилось это аккуратно в день выпускного бала, куда я пришла уже *обновленная*, произведя настоящий фурор.

Из зеркала на меня смотрела молодая женщина, высокая и атлетичная, с длинной шеей, которую венчала аккуратная белокурая головка. Глаза огромные, темно-карие, как у отца, а светлые волосы достались мне от мамы. Все, кто видит меня впервые, обязательно замечают этот контраст, и мне не раз приходилось клясться и божиться, что цвет волос не результат окрашивания. Единственным украшением, которое я с собой привезла – вернее, привезла *на себе*, – был золотой диск, переданный мне Ивом. Когда-то его носил Иван, и с тех пор, как он перешел ко мне, я его не снимала. И не сниму до тех пор, пока не разберусь с этим запутанным делом!

Андрэ ждал меня внизу. Несмотря на ранний час, Антананариву давно проснулся. На улицах еще не скопились пробки, но многочисленные такси-би² уже рассекали город во всех направлениях. Выехав из столицы, я не могла оторвать взгляда от окна: так живописно выгля-

² Такси-би – автобусы в Антананариву – микроавтобусы.

дело все вокруг. Воистину Мадагаскар – волшебное место, и жаль, что у меня нет времени насладиться его великолепием. Может, удастся урвать пару дней на осмотр достопримечательностей? Разумеется, лишь после того, как я выполню свою миссию в отношении смерти Ивана... Нет, думать о развлечениях, когда на кону его доброе имя, – преступно! Но ничто не может мне помешать любоваться видами из окна.

Деревня, куда лежал наш путь, находилась в нескольких часах езды от столицы. Чтобы добраться до места, пришлось оставить автомобиль у дороги и дальше отправиться пешком, так как проезд транспорта по красным и вязким глинистым почвам, да еще и среди густой растительности, не представлялся возможным. Мы с трудом продирались сквозь ветки, и я пожалела, что не надела джинсы: в них, конечно, жарковато, зато не порвутся.

Андрэ легко ориентировался по карте, и вскоре мы вышли из леса. В ноздри ударил резкий запах дыма, а глазам открылась странная картина. Множество высоких костров пылали между деревянными хижинами, крытыми травой и соломой, а вокруг них сидели и стояли люди. Внезапно я ощутила, как по моим ногам пробежало что-то колючее и живое, и тихо вскрикнула.

– Это всего лишь тенрек, – сказал Андрэ. – Они безвредные!

Странное существо неторопливо продефилировало мимо, ничуть не озабоченное столкновением с моими ногами. Оно походило на ежа, но крупнее, а иголки были длиннее и не покрывали его целиком, оставляя длинную узкую голову незащищенной. Цвет тенрек имел оранжево-черный, что выгодно отличало его от серо-коричневых российских собратьев. На Мадагаскаре все имеет яркие цвета, даже земля здесь красная, словно природа выбрала этот остров для того, чтобы опробовать всю палитру красок, предназначенных для самых разных мест в мире.

Тенрек побежал себе дальше, а мы вышли на открытое пространство. Один из подростков, сидящих лицом к лесу, заметил нас и что-то прокричал. Все головы почти одновременно повернулись в нашу с Андрэ сторону. От группы людей, расположившихся вокруг костра, отделился пожилой мужчина и направился к нам. На нем были только широкие хлопковые брюки грязно-белого цвета. Андрэ поприветствовал селянина, тот тоже проговорил в ответ какие-то слова, а потом указал на меня.

– Он спрашивает, кто мы и зачем пришли, – перевел гид.

– Скажите ему, что я хочу поговорить с кем-нибудь об Иване Баландине.

При произнесении имени Ивана старик оживился и устремил на меня заинтересованный взгляд. Качая головой, он что-то быстро затараторил.

– Он говорит, что давно не видел Радуку, – пояснил Андрэ. – Раньше Радуку часто приезжал, но вот уже много дней его нет, а людей в деревне заболевает все больше...

– Кто такой Радуку? – перебила я.

– Так здесь уважительно называют врачей, – объяснил гид.

Из сказанного я поняла лишь, что о смерти Ивана мне никто не расскажет, поскольку они даже не в курсе того, что его больше нет! И чего я тащилась в такую даль по пыльной дороге, тряслась по ухабам? Но меня кое-что зацепило.

– Андрэ, спросите, что он имел в виду, сказав, что люди заболевают? – сказала я.

Тот выполнил мою просьбу. Некоторое время они со стариком обменивались короткими фразами, после чего мой гид ответил:

– Он говорит, неизвестная болезнь свирепствует в деревне. Сначала заболели всего несколько человек, но с каждым днем больных становится больше, причем страдают в основном молодые мужчины, женщины и дети. Стариков зараза щадит.

Ну, теперь понятно! Вот почему Иван оказался так далеко от Антананариву – он просто занимался своей непосредственной деятельностью врача-эпидемиолога... Только это никак не объясняет его гибель.

– Скажите ему, – попросила я Андрэ, – что Ивана убили неподалеку отсюда.

Гид послушно перевел, с опаской глядя в сторону костров. Я его понимала: если в деревне и впрямь эпидемия, никому не захочется оставаться поблизости! По бурной реакции пожилого селянина я поняла, что для него гибель Ивана является шокирующей новостью. Повернувшись к костру, он громко заголосил. Народ пришел в движение, и большинство поднялось, направляясь в нашу сторону. Восприняв это как угрозу, я попятилась. Как выяснилось, испугалась я зря: никто из жителей деревни не проявлял признаков агрессии, они только тихо переговаривались между собой, качая головами. Старик объяснил им ситуацию, и люди горестно обменивались впечатлениями. Затем заговорила женщина, по виду того же возраста, что и первый персонаж, с которым мы познакомились. Ее речь была куда более громкой и эмоциональной, и она помогала себе не только руками, но и всем полным, но удивительно гибким телом.

– Она говорит, Радуку был единственным, кто пытался помочь, – перевел гид. – Она не представляет, что теперь произойдет, потому что никому нет до них дела!

– Спросите ее, как вышло, что они не в курсе убийства, ведь в деревню приходила полиция и проводила опрос населения: мы же читали протокол!

– Никакой полиции они не видели, – ответил Андрэ, выслушав женщину. – С тех пор как ушел Радуку, ни один белый человек в деревне не появлялся!

Я медленно двинулась к костру, у которого по-прежнему оставались сидеть на корточках несколько человек. Они слабо отреагировали на мое появление, и я быстро поняла почему. На земле, плотно друг к другу, лежало три белых свертка, и не требовалось богатого воображения, чтобы понять, что это – завернутые в саваны трупы.

– Эти умерли вчера и сегодня, – перевел Андрэ слова старика. – Другие уже в склепах.

– Тела нужно срочно сжечь! – воскликнула я, обращаясь к жителям деревни. – Как и те, что вы похоронили ранее.

Гид, однако, переводить не спешил. На его лице, как на старой фотографии, постепенно проявлялось выражение ужаса.

– Что? – нетерпеливо спросила я. – В чем дело?

– Вы не понимаете, мадам! – пробормотал он. – Для мальгашей нет более ужасного наказания, чем быть сожженным и не похороненным в семейном склепе!

– Какая ерунда! – взорвалась я. – Спросите, что для них важнее: чтобы всех в ближайшее время захоронили в их любимых склепах или попытаться выжить, уменьшив опасность заражения?

– Нет, все не так!

– Все именно так, Андрэ, это не шутки! Спросите, сколько человек умерло и за какой период времени?

Гид перевел мой вопрос, и сразу несколько человек начали отвечать, но главенство вновь захватила полная женщина.

– За последний месяц умерли девять, но пятеро – всего за неделю. Еще трое больны и, видимо, последуют за ними.

– Я хочу посмотреть, – сказала я.

– Не надо, мадам! – испуганно схватил меня за рукав Андрэ. – Это опасно!

– Я, в конце концов, врач, и Иван не боялся помогать этим людям!

– Вот именно, и вспомните, что с ним произошло!

– Он умер не от болезни, Андрэ, его застрелили. Уж извините, раз я здесь, то должна осмотреть больных.

Гид отступил, упрямо поджав губы. Я испугалась, что он бросит меня посреди джунглей и сбежит, и тогда непонятно, как добираться до отеля... Ну, бог с ним, будем решать проблемы по мере их поступления!

Мы вошли в одну из хижин. Окна были занавешены, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте. На плетеной кровати я увидела мужчину. По силуэту, вырисовывающемуся под одеялом, невозможно было определить, какого больной роста и телосложения, так как лежал он в «позе зародыша», прижав колени к подбородку. Его коричневое лицо было покрыто обильной испариной, губы растрескались, а крупные ладони, лежащие поверх одеяла, судорожно сжимались и разжимались в такт шумному, прерывистому дыханию. Женщина рядом со мной что-то тихо произнесла, и я обернулась, но тут вперед выступил тщедушный подросток и сказал на вполне удобоваримом французском:

– Он зовут Матье. Он болен четыре дня. До этого болен его брат. Умереть два недели.

Подойдя поближе, я склонилась над лежанкой и приподняла веки больного. То, что я увидела, меня потрясло: белки глаз приобрели розовый оттенок. Это были не просто точечные кровоизлияния, как при тяжелой форме гепатита, – белки были ровного ярко-розового цвета!

Подросток перегнулся через мое плечо.

– У всех глаза красный, – сказал он, заметив, что именно я рассматриваю. – Так все и начинаться: красный глаза, потом болен живот, тошнить, потом жарко, потом... Потом умирать.

– А как ваших людей лечил док... Радуку Иван?

– О, я показать! – обрадовался подросток.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я, едва поспевая за ним.

– Икутукели³.

От Андрэ я уже знала, что иностранцу никогда не узнать настоящего, «аборигенского» имени малагасийца, во всяком случае, до тех пор, пока тот не почувствует к нему большое доверие. Скорее всего, чужеземец получит французское имя или его суррогат, комбинацию из французского и мальгашского, а то и вовсе прозвище. Малагасийцы считают, что при произнесении своего имени человек передает собеседнику мистическую власть над собой. Более привычно называть их по должности, например, «господин доктор» или «господин учитель». Окончательное имя дается на Мадагаскаре через определенный срок – до *двенадцати лет*! Случается, что имена меняются после консультации с астрологом или при продвижении по ступенькам социальной иерархии. По крайней мере трижды за всю жизнь малагасийцы берут себе новые имена, надеясь изменить судьбу. Наречение человека – сложный ритуал. Пока ребенок мал, он получает временное имя. Часто оно граничит с руганью – *крыса, змееныш, вонючка* и так далее. Его произносят без опаски, в присутствии кого угодно, даже колдуна, но главное имя, *имя судьбы*, скрывают от всех. А христианское имя – отличная маскировка, и не стоит допытываться у малагасийца, какое его настоящее имя, если он назвался Дидье или Жоржем.

Мы вошли в хижину, стоящую на самом краю поселка.

– Это – дом Радуку Иван, – пояснил мой провожатый. – Он жить тут, когда приезжать. А тут, – он указал на деревянный ящик, стоящий на лежанке, застеленной лоскутным одеялом, – лекарства, который он давать больным.

В ящике оказалось около дюжины упаковок. Прочитав этикетки, я поняла, что это – антибиотики различного спектра действия. Похоже, Иван понятия не имел, с чем имеет дело!

– Радуку научил наша, как принимать, – сказал между тем Икутукели. – Но люди все равно умирать.

– Почему, кроме Ивана, больше никто к вам не приезжал? – спросила я.

– Приезжал, приезжал, – возразил подросток. – С Радуку приезжал женщина-вазаха.

– То есть европейка? – угадала я.

Икутукели подтвердил.

– Как ее звали?

³ Икутукели – мальчик (малаг.).

- А-а-мели-и. Она писать. Статьи писать в газета – французский газета.
- Что ж, похоже, это та самая таинственная Амели, которую упоминал Тахир.
- Журналистка, значит...
- Журналистка! – радостно закивал Икутукели. Вдруг он протянул руку и, прежде чем я успела отпрянуть, дотронулся до амулета у меня на шее. – Это Радуку, да?
- Ты видел его у Ивана?
- Он все время его носить. Значит, это правда, и Радуку умирать... – Мальчик погрузился, но тут же добавил вопросительно: – Теперь ты – Радуку?
- Нет-нет, я... А кроме той женщины, Амели, и Радуку Ивана посещали ли вас другие люди – из больницы, или из мэрии, или как там это у вас называется?
- Нет, – покачал головой Икутукели. – Но Радуку обещал привести еще люди, рассказать власти... Никто не приходит!
- А как фамилия журналистки, которая приезжала с Иваном?
- *Фамилия*? Не знать, но она оставлять свой карта старосте.
- В смысле визитную карточку? Могу я ее получить?
- Надо попросить.
- Так, – пробормотала я, судорожно соображая. – Так! А еще мне нужно взять анализы у больных и отвезти их в лабораторию... Наверняка в Антананариву есть какая-нибудь лаборатория, ведь есть же больницы, верно?
- Радуку брать анализы, – кивнул Икутукели. – Из рука и из спина.
- Иван делал больным спинномозговую пункцию? – уточнила я.
- Он говорить, отправлять их в лаборатория на самолет.
- Значит, он получил результаты?
- Радуку пропасть...
- Ладно... Но у меня же ничего нет – ни пробирок, ни оборудования для забора крови!
- У нас нет *пробирка*, есть только банка.
- Хорошо, – вздохнула я. – А еще мне понадобится острый нож. Спирт есть?
- Мальчишка кивнул.
- Тогда тащи все это в хижину, где мы побывали с самого начала! Да, и карточку Амели не забудь у старосты попросить.
- Я набрала крови у больного мужчины, который даже не почувствовал, как нож порезал кожу. Туго забинтовав рану, я вышла наружу и обнаружила там молчаливую толпу селян. Андрэ выступил вперед: видимо, ему надоело бояться, и он решил возобновить работу. Я приняла это как ни в чем не бывало, сказав:
- Андрэ, вы должны убедить их сжечь тела!
- Мадам, я же уже говорил...
- Да слышала я, что вы говорили! Это – вопрос жизни и смерти: если все жители деревни желают украсить собой семейные склепы, то добро пожаловать, но мне почему-то кажется, что они предпочли бы пожить! Переведите!
- Нехотя гид выполнил мое распоряжение. Что тут началось! Я испугалась, что живыми нас из поселка не выпустят, но каким-то образом Андрэ удалось через некоторое время утихомирить народ. Самое большее, на что они согласились, так это поскорее запихать своих покойников в склепы и не оттягивать процесс похорон. С этим надо что-то делать, иначе вся деревня перемерет! Правда, нет никаких гарантий, что она не перемерет в любом случае, поэтому в данный момент я решила, что драться во имя доказательства моей правоты не имеет смысла. Я осмотрела и других пациентов, находящихся в чуть лучшем состоянии, но и без всяких анализов было очевидно, что они страдают от того же недуга. Вот вляпалась! Теперь предстояло не только разбираться с гибелью Ивана, но и убеждать власти Антананариву заняться проблемой странного заболевания. Почему белки глаз и конъюнктивы больных розового цвета?

Остальные симптомы могут указывать на любой вид лихорадки, но это... Это что-то новенькое! Может, они едят или пьют что-нибудь, отчего розовеют глаза? Что, если это яд растения или животного, а те, кто заболел, каким-то образом соприкасались с ним? Кажется, кто-то из жителей обмолвился, что среди умерших в основном молодежь и дети... Ну почему, почему Иван ничего мне не сообщил, ведь он уже некоторое время знал о происходящем в этой деревне?!

В обратный путь мы с Андрэ отправились ближе к вечеру. Спеша по лесу к оставленной машине, я внезапно услышала шаги за спиной. Они были мягкими, ступали явно босыми ногами, но ветки все равно скрипели: наш преследователь не пытался скрываться. Обернувшись, я увидела паренька лет восьми. Он стоял на одной ноге, поджав другую, словно маленькая грустная цапля, и держался рукой за ствол тонкого деревца.

– Ты бежал за нами? – спросила я, делая шаг навстречу. Андрэ тоже приблизился и перевел вопрос. Ребенок облизнул пересохшие губы и кивнул.

– Зачем?

Он снова облизнулся и что-то ответил, переводя взгляд с меня на Андрэ и обратно, не зная, кому правильнее адресовать свою речь.

– Он говорит, что видел, как убивали Радуку, – тихо сказал гид, выслушав мальчика.

– Что?!

Мальчик снова заговорил, и Андрэ перевел:

– Он ловил лемура на продажу туристам... Между прочим, этого делать нельзя! – сам себя перебив, добавил гид, но потом вернулся к теме: – Стемнело, и он слегка заблудился, а когда вышел к дороге, увидел машину Радуку Ивана. Она съехала на обочину и стояла криво, как будто произошла авария.

– Потом, – продолжал ребенок, – я услышал голоса и пошел к деревьям, откуда они доносились. На поляне стояли несколько человек в пятнистой одежде...

– В камуфляже, – пробормотала я себе под нос. – Это были военные?

Гид перевел, и мальчик кивнул.

– Они поставили Радуку на колени. Один удерживал его на земле, а другой, видимо, главный, задавал вопросы.

– Что он хотел знать? – спросила я.

Паренек пожал худенькими плечами.

– Он не понял, – перевел Андрэ. – Они говорили на иностранном языке.

– По-французски?

– Нет, он знает, как звучит французская речь. Это был другой язык.

– Может, они говорили по-арабски? – предположила я. – Если это террористы, как утверждают в полиции и российском посольстве, то, может, это не местные, а приезжие?

– Это не были малагасийцы, – продолжал переводить слова мальчика мой гид. – Белые люди.

– Белые?

– Европейской внешности, – подтвердил Андрэ и посмотрел на меня, сам удивившись тому, что перевел. – *Европейцы* в камуфляже с автоматами – на *Мадагаскаре*?!

– Хорошо, что было потом?

– Они долго допрашивали Радуку, а он, кажется, отвечал не то, что им хотелось... Главный кивнул тому, кто удерживал Радуку, и тот... он выстрелил Радуку в затылок!

Я видела фотографии из дела, но теперь, после рассказа мальчика, все представилось мне так живо и жутко, что тело покрылось гусиной кожей, несмотря на жару.

– Кто еще знает о том, что ты видел, малыш? – спросила я, присев на корточки перед мальчуганом. Его круглые глаза испуганно вращались, словно на шарнирах, и он по-прежнему стоял на одной ноге, поджав другую.

– Никто, – перевел ответ Андрэ. – Он никому не рассказывал, потому что боялся. И сейчас не хотел говорить, но Радуку был хорошим человеком, а вы – друг Радуку, и он подумал, что кто-то должен знать, что случилось.

– Ты молодец, – сказала я, беря мозолистую ладошку в свою руку и пожимая ее. – Ты правильно поступил, но никому больше не рассказывай об увиденном, хорошо?

Мальчик энергично закивал, когда гид перевел мою просьбу. На его пухлом личике отразилось облегчение: очевидно, его долго мучило это жуткое знание, и теперь, переложив его на плечи другого, взрослого и более сильного, ребенок успокоился.

Отправив малыша обратно в деревню, мы с Андрэ поспешили к машине. Подозреваю, он уже не раз пожалел, что связался со мной, и завтра мне придется озаботиться поисками другого компаньона! Ну, дело житейское: в конце концов, никто не обязан рисковать, зарабатывая на хлеб насущный, а все указывало на то, что дело приобретает опасный оборот, и я сама не знала, стоит ли продолжать. От немедленного отъезда меня удерживали две вещи. Во-первых, если не я, то никто другой не станет расследовать гибель Ивана, а это несправедливо. И во-вторых, есть маленькая деревня в лесу, где по неизвестной причине умирают люди. По крайней мере следовало сообщить властям, чтобы они приняли меры, ведь Иван так и не успел этого сделать, иначе в деревню давно прислали бы врачей. Организовали бы санитарный кордон, чтобы никто не мог прийти в деревню и покинуть ее, рискуя распространить заболевание... Если, конечно, проблема в этом. Я от души надеялась, что причиной смертей стал какой-то яд – тогда всего-то и потребуется, что выявить его источник и ограничить соприкосновение с ним людей. Но чутье подсказывало, что малой кровью здесь не обойдется: она уже пролилась, и это была кровь Ивана.

* * *

В фойе гостиницы не оказалось ни души, даже портье куда-то удалился. Я была грязная и голодная, но ресторан давно закрылся, поэтому пришлось ограничиться душем и чашкой чая, который я вскипятила кипятильником, предусмотрительно прихваченным из дома. Я никогда не посещала экзотических мест вроде Мадагаскара, а в европейских отелях в каждом номере имеются и электрочайник, и кофейник, однако я все равно таскаю с собой этот незаменимый электроприбор с переходником. Поесть оказалось нечего, кроме подсохшего печенья, купленного в дьюти-фри при пересадке в Париже. Завалившись спать, я продрала глаза, только когда солнце вовсю светило прямо в лицо.

В фойе я столкнулась с Эжени, тоже идущей на завтрак.

– Доброе утро! – обрадовалась она при виде меня. – Где вы пропадали вчера? Я искала вас в обеденном зале!

– Ездила на экскурсию, – ответила я. Рассказывать правду слишком долго, а я и сама толком еще ничего не знала.

– Правильно, – закивала Эжени. – Поначалу мне тоже все тут было интересно, а теперь...

– А что теперь?

– Теперь я отдала бы все на свете, чтобы оказаться дома, в Париже, среди *белых* людей! Вы не подумайте, я не расистка, просто иногда так приятно видеть вокруг лица, похожие на твое собственное!

Попав на Мадагаскар, я в полной мере осознала, что значит оказаться в абсолютно чуждой среде. Я не любительница экзотики, а потому никогда не ездила в страны типа Таиланда или Кении, хотя мои друзья и знакомые приезжают оттуда в полном восторге, с кучей фотографий и видео. До этой поездки я, хоть и часто встречала за границей людей с иным цветом кожи, ни разу не была одной белокожей на сотни, а то и тысячи людей. Поначалу из-за этого

действительно ощущаешь дискомфорт, но благодаря радушию и доброжелательности мальгашей быстро привыкаешь.

Мы усьелись, и Эжени спросила, что я буду есть.

– Честно говоря, – сказала я, – для меня местная еда – тайна за семью печатями.

– Можно брать европейские блюда, хотя, – она скривилась, – лучше этого избегать: местная кухня редко справляется со столь сложной задачей. Кстати, у них отменные йогурты и фруктовые салаты – насчет них можно не беспокоиться!

– Боюсь, йогурта мне сегодня недостаточно, – пробормотала я, чувствуя, как рот наполняется вязкой слюной: сухие печеньки, употребленные вчера на ночь, давно переварились, и я испытывала зверский голод.

– Тогда предлагаю вуанджубури, – проговорила Эжени, внимательно изучая меню. – Это орех, который они тут называют «бамбара», тушеный со свининой. Или если вы предпочитаете рыбу, то трундру гаси, треску, тушенную с цукини и помидорами. Так рыба или мясо?

Я едва не подавилась слюной, подумав, что с удовольствием слопала бы и то и другое, но, понимая, что возможности моего желудка безграничны, выбрала рыбу как более легкую пищу, предвидя долгий и тяжелый день на жаре.

В ожидании еды мы ели йогурт на закуску и глазели с террасы на цветущую жакаранду. Это вечнозеленое дерево, усыпанное сиреневыми цветами, удивительным образом оживляло все вокруг. На территории отеля произрастало огромное количество жакаранды, и это растение стало для меня визитной карточкой Мадагаскара – повезло, что я приехала во время ее цветения!

– Вы выглядите задумчивой, – заметила Эжени, внимательно глядя на меня. – И озабоченной.

– В самом деле?

– Видно невооруженным глазом. Все думаете о вашем бывшем?

– Да, – призналась я. – Не могу отделаться от мысли, что упускаю что-то важное!

– Помилуйте, вы же не полицейский! – всплеснула руками моя собеседница. – Как вы можете что-то *упустить*?

– Полиция не больно-то старается, – пожаловалась я. – Твердят одно: террористы, исламисты...

– Тамара, я за вас беспокоюсь! Мадагаскар, конечно, не Ирак или Нигерия, где людей убивают пачками, и все же здесь может быть опасно – особенно для белого человека, для белой *женицины*. Что вы надеетесь обнаружить, чего не нашла полиция?

– Эжени, вы же работаете в фармацевтической компании?

– Да.

– Какова эпидемиологическая ситуация на Мадагаскаре?

– Эпидемиологическая? Ну, насколько мне известно, более или менее стабильная. Пару раз бывали вспышки атипичной лихорадки в нескольких небольших населенных пунктах, и все быстро сошло на нет. Почему вы интересуетесь?

– Да так, есть причины... А известно ли вам о местных ядовитых растениях или животных, которые могли бы вызвать вспышку заболевания одновременно у большого числа людей?

– Даже не знаю: Мадагаскар в этом отношении довольно безопасен. Ядовитых змей здесь нет, а из растений, пожалуй, могу назвать только поркупинский томат.

– Какой томат?

– Поркупинский. Это такой полутораметровый кустарник, ядовитый и чертовски живучий. На него не действуют никакие химикаты, и он отлично переносит и морозы, и засуху, потому-то и бороться с ним невозможно. Ядовиты как плоды, так и ярко-оранжевые флуоресцентные шипы на стеблях и листьях, однако местные отлично знают о его свойствах и предусмотрительно держатся подальше.

– Понятно.

– Не расскажете, что заставило вас задавать такие странные вопросы?

– Пока нечего рассказывать. Но, возможно, мне придется обратиться к вам за помощью.

– Всегда пожалуйста!

Мы с Андрэ не договаривались о встрече, поэтому я удивилась, обнаружив его в фойе отеля, спокойно читающим местную газету «Миди Мадагасикара». Мне объяснили, как найти автобусную остановку, и я намеревалась съездить в больницу общественным транспортом. Тем не менее гид сидел на диване и, заметив меня, расплылся в широкой улыбке. Значит, я недооценила Андрэ, посчитав, что он испугается и больше не захочет иметь со мной дела.

– Вы здесь! – воскликнула я, приближаясь.

– А почему я не должен быть здесь, ведь я на вас работаю?

– Ну, вчера мы ездили в довольно опасное место...

– Не забываете, что Мадагаскар – моя родина, – перебил Андрэ, и его широкое лицо приобрело серьезное выражение. – Если существует опасность, я хочу о ней знать: что толку прятать голову в песок! Так куда мы отправимся?

– В больницу Святого Франциска Ассизского.

– Снова?

– Попытаюсь выяснить там кое-что и, если получится, сдать на анализ кровь того парня из деревни.

– Ну, так чего же мы ждем?

Первым, с кем я столкнулась в больнице, оказался Тахир Догра. При виде меня его густые брови поползли вверх.

– Что случилось? – спросил он. – Я думал, вы уже в России!

– А я *думала*, что ясно дала понять, что не уеду, пока не раз узнаю подробности о гибели Ивана!

– Вы ненормальная.

Он произнес это спокойно, без пафоса или злости, словно констатируя очевидный факт.

– Возможно, – не стала спорить я. – Мне нужна ваша помощь.

– И конечно же, это не касается посещения парка лемурув?

– Это касается Ивана. А еще жителей одной маленькой деревушки, где по неизвестной причине умирают люди, а никому и дела нет.

– Вы о чем? – нахмурился Тахир.

Я рассказала, куда ездила вчера. Он выслушал молча.

– Значит, Иван считал, что имеет дело с неизвестным возбудителем? – уточнил он, когда я закончила.

– Похоже на то. Я надеялась, что речь может идти о ядовитом растении или животном, но навела справки и выяснила, что в этом смысле данная местность сравнительно безопасна.

– Верно, – кивнула Тахир. – Единственную реальную опасность здесь представляют только крокодилы. И конечно же, двуногие.

Я внимательно посмотрела в его желтые глаза, но ничего не смогла в них прочесть. Этот человек пока являлся для меня закрытой книгой – казалось, внутри у него находится сжатая пружина, только и ждущая того, чтобы распрямиться. Даже не знаю, почему у меня создалось такое впечатление, но у Тахира, похоже, имелись претензии ко всему человечеству.

– Скажите, Тахир, при больнице есть лаборатория?

– Да, но мы проводим только несложные клинические анализы. Если нужна биохимия или что-то посерьезнее, лучше обратиться в центральную.

– А где она находится?

– Зачем вам?

– Я взяла пробу крови у одного из больных в деревне...

– Вы понимаете, насколько это опасно?! – перебил он.

– Кто из нас вирусолог? – огрызнулась я. – Разумеется, понимаю, но, если это – начало эпидемии, надо иметь подтверждение! К сожалению, быстренько вызвать в деревню бригаду по борьбе с эпидемиологической угрозой не представлялось возможным. Здесь вообще-то есть такая?

– Боюсь, что нет, – признал свое поражение Тахир. – Где кровь?

Я вытащила банку, и его лицо вытянулось.

– Остается надеяться, что вирус передается только от человека к человеку, – пробормотал он, – иначе вы, возможно, уже перезаражали кучу народа!

– Если вы скажете, где находится центральная лаборатория...

– Нет, так не пойдет. Я поеду с вами! Меня там знают и все сделают бесплатно, иначе вы разоритесь.

На такую удачу я и рассчитывать не могла. Честно говоря, меня начало утомлять мотание по местным инстанциям в одиночку. Каждый раз, когда я еду за границу, все отлично организовано, и мне самой не приходится практически ничего делать – я следую по маршруту, тщательно выверенному организаторами той или иной конференции, не заботясь о том, чего им это стоило. Я никогда сама не заказывала номер в отеле и не договаривалась о встречах с официальными лицами в чужой стране. Это тяжело, особенно когда не знаешь местных обычаев и условий. Просто здорово, если Тахир возьмет на себя часть трудностей!

– Подождите полчаса, – сказал он, и это прозвучало не как просьба, а как самый настоящий приказ.

Покорно устроившись на плетеном стуле в коридоре, я принялась через открытую дверь наблюдать за двориком, где играли дети. Обычная игра, за которой частенько можно застать ребятишек в любом городе мира. Вернее, *раньше* можно было застать, так как теперь большинство ребятишек предпочитают сидеть по домам, уставившись в экран компьютера, и резаться в онлайн-игры или «зависать» в соцсетях. Здесь же, на Мадагаскаре, детвора проводит на улице большую часть жизни, как и положено, и это, возможно, плюсы отсутствия высоких технологий.

Но вот появился Тахир, и я поднялась.

– Мой мотоцикл... – начал он.

Но я перебила:

– Нет, поедem на машине: меня ожидает гид.

– Значит, прошлая поездка вас не устроила? – нахмурился он.

– Дело не в этом, а в том, что Андрэ на меня работает и я *обязана* обеспечить его работой, чтобы он мог получить свои деньги. Если я каждый раз буду отсылать Андрэ домой и говорить, что его услуги больше не требуются, то лишь гида заработка.

Выражение лица Тахира смягчилось: видимо, он счел высказанную мной причину достаточно важной. Мы погрузились в авто под любопытным взглядом Андрэ, которому я представила Тахира как друга моего покойного мужа, и доктор назвал адрес лаборатории. Здание, где она располагалась, – кирпичный домик под крышей из металлочерепицы – нисколько не походило на подобные учреждения в России или Европе, однако за неимением альтернативы я решила, что и это сойдет. Тем более что главное – не экстерьер или интерьер здания, а оборудование. Весь процесс занял около часа. Старший лаборант Марсель, огромный черный мужик с «моджахедовской» бородищей, пообещал, что результат будет через два дня, самое позднее.

Затем Тахир вернулся в больницу, а Андрэ удалось-таки соблазнить меня на поездку в парк лемурув. Я обожаю животных, но из-за частых командировок не могу себе позволить завести ни собаку, ни даже птичку, ведь любому живому существу, как ни крути, требуется не только уход, но и общение. Поэтому я, несмотря на тяжесть на душе, вняла предложению гида развеяться. Честно скажу, ни на секунду не пожалела! В туристической брошюре я читала, что

самые лучшие парки-заповедники на Мадагаскаре – Монтань-д’Амбр и Цинги-де-Бемараха, но они находятся далеко от столицы, в разных концах острова, а потому тот факт, что под боком имеется неплохая альтернатива, приятно согрела мне душу. Правда, территориально парк лемурув все же расположен за пределами города, поэтому без машины добраться туда было бы проблематично.

К сожалению, самых крупных лемурув, *индри*, нам с Андрэ в тот день увидеть не удалось, зато нам попалось семейство похожих на лисичек *маки*, весело скачущих по деревьям в поисках спелых плодов. Видели мы и толстопятого *лори* с потрясающим взглядом боксера, побитого на ринге: вокруг его огромных глаз мех черный, как синяк, а неповоротливость зверька только усиливает впечатление. Мальгашаи считают лемурув священными животными. Существует легенда, что раньше они были людьми, а потом, живя в лесу, обросли шерстью и превратились в животных. Встречая лемуру в лесу, местные охотники вежливо здороваются с ним, а случайно попавших в капкан зверей выпускают на волю. Андрэ рассказал, что на Мадагаскаре водятся мангусты, главные истребители змей, но их мы не видели. Зато повсюду летали красивые зеленые попугаи. В давние времена на острове жили эпиорнисы, гигантские птицы, и рост их достигал пяти метров. О них упоминал Марко Поло в своей знаменитой книге. Яйцо эпиорниса, по свидетельствам очевидцев тех лет, по объему равнялось ста пятидесяти страусовым, и мальгашаи делали из них сосуды, вмещавшие по восемь литров воды!

Андрэ, до сих пор выполнявший при мне не совсем свойственную ему роль личного водителя, наконец-то оказался в знакомой стихии. Выяснилось, что он весьма неплохой гид, отлично знает природный мир острова и умеет красиво и интересно о нем рассказывать. Прогуляв по парку до пяти часов, мы вернулись в отель, где я, прихватив в кафе бутерброд (обед давно закончился), поднялась к себе и устроилась на балконе с ноутбуком, намереваясь поискать информацию о таинственной Амели Дегрэ. Положив ее визитную карточку, полученную от старосты деревни, на плетеный столик, я ввела имя журналистки в «поиск». Чтобы компьютер не выдал слишком много лишней информации, я ввела и название издания, где работала Амели. Ничего. Вернее, все, что угодно, кроме Амели Дегрэ: куча статей разных персонажей, напечатанных в газете «Франс суар», и ни одной, принадлежащей перу этой репортерши! Как же так? Может, она не очень известная журналистка и написала не слишком много материала, но ведь что-то все равно должно быть в Сети, хоть какой-то след! В одной из ссылок я нашла несколько телефонов газеты и позвонила по одному со своего мобильного.

– «Франс суар», чем могу служить? – раздался в трубке приятный голос девушки-оператора.

– Здравствуйте, могу ли я поговорить с Амели Дегрэ?

– Вы знаете, в каком отделе она работает?

– Честно говоря, нет, мне известно только ее имя и то, что недавно она ездила на Мадагаскар.

– А-а, понятно. Вы можете перезвонить минут через десять – я наведу справки?

– Конечно, спасибо большое.

Через десять минут я снова набрала тот же номер.

– «Франс суар», чем могу служить? – услышала я тот же приятный голос.

– Я звонила вам недавно по поводу Амели Дегрэ... – начала я.

Оператор перебила меня:

– Да, да, я все выяснила. Она у нас не работает.

– То есть как это – не работает? – удивилась я. – У меня в руках ее визитка с именем и названием вашей газеты!

– К сожалению, ничем не могу помочь. Извините, хорошего вам вечера.

Я сидела, ошарашенная новостями. Вот тебе и на: Амели Дегрэ, существовала только на Мадагаскаре? О ней упоминали и жители деревни, и Тахир, но по месту ее *якобы*

работы о ней никто и слыхом не слыхивал! Чего только нет во Всемирной сети, там можно найти все на свете, вот только ни одной строчки, написанной Амели Дегрэ, не сохранилось в этом бездонном банке памяти!

– Вы выглядите так, словно пытаетесь решить проблему мирового голода! – услышала я веселый голос Эжени и, подняв глаза, увидела и саму женщину. Судя по тому, что на голове у нее снова было намотано полотенце, француженка только что приняла душ.

– Вы почти угадали, – через силу улыбнулась я, хотя мне было вовсе не весело: я только что уперлась в тупик и представления не имела, что делать дальше.

– А если серьезно?

– Если серьезно... У меня действительно есть проблема, Эжени, но вы вряд ли сумеете помочь ее решить.

– А вы попробуйте! – подбодрила она меня.

– Ну, хорошо. В общем, есть одна французская журналистка...

– О, французская?

– Да. Мне очень нужно с ней поговорить.

– Вы знаете, где она работает?

– У меня есть ее визитка с названием издания – «Франс суар».

– Это довольно известная газета, – кивнула Эжени. – Я сама не любительница чтения, но знаю, что многие у нас ее покупают и тираж большой. Что, если вам туда позвонить?

– Именно это я и сделала.

– И?

– И – ничего!

– То есть как?

– А вот так – в газете никто не знает эту женщину!

Эжени задумчиво пожевала губу.

– А она точно штатная журналистка?

– Н-не знаю, – пробормотала я, поняв, что не подумала об очевидном.

– Если, к примеру, она работает на «Франс суар» внештатно, – продолжала между тем Эжени, – ее имени может и не быть в отделе кадров...

– Вы правы, – согласилась я, – но как быть с тем, что я не смогла найти ни одной статьи Амели Дегрэ?

– Даже в Интернете? – недоверчиво уточнила француженка.

– Даже там. Разве такое возможно?

– Хорошо, а как насчет других газет?

– Я не смотрела, но, пожалуй, стоит это сделать!

– Предлагаю вот что: вы поищите пока, а я переоденусь, и мы пойдем на ужин, где вы в спокойной обстановке расскажете, зачем вам нужна эта Амели Дегрэ. У меня есть кое-какие связи в парижских СМИ, и я могла бы навести справки по телефону: вдруг что-то нарисуетя?

* * *

Полужинав в компании Эжени, я поплавала в бассейне (в «Таже» его не закрывают до полуночи), после чего отправилась в постель, уставшая от мотания по пыльным дорогам Мадагаскара. Несмотря на то что я приехала отнюдь не для развлечения, остров пленял первобытной красотой, той свободой, с какой люди и животные уживаются на одной территории, стараясь не мешать друг другу, как тысячи лет назад. Я видела лемуров, лениво дремавших на ветках, варанов и игуан, перебегающих дорогу прямо перед машиной, даже не заходя на территорию заповедников, и это заставляло задуматься о том, что в мире есть нечто неподвластное цивилизации и прогрессу. А еще о том, нужны ли этому миру *цивилизация* и *прогресс*. Чело-

веку, в сущности, нужно так мало: немного солнца, еда и уверенность в завтрашнем дне. Мальгаши, похоже, открыли секрет бытия. Мадагаскар – страна далеко не богатая, но большинство людей здесь вполне довольны своей жизнью. Они веселятся, работают, любят детей и стараются никому не причинять вреда – разве это не залог правильного развития цивилизации?

Над головой мерно гудел вентилятор, за окном пели лягушки, и мои мысли путались и уплывали куда-то далеко, к первобытным далям Мадагаскара, его ущельям и озерам, тяжелым кронам деревьев, сплетающихся ветвями так плотно, что у корней царит вечная тьма. Там, в этих кронах, течет другая жизнь, жизнь, которая всегда была там и будет еще долгие годы после того, как поверхность земли покинет последний представитель человечества. Мадагаскар похож на земной шар в миниатюре. На нем представлены три климатических пояса, от тропического муссонного на восточном побережье до засушливого пустынного на южной оконечности острова. Отделившись от Африки сто шестьдесят, а от Индии – семьдесят миллионов лет назад, Мадагаскар смешал удивительные эндемические⁴ виды флоры и фауны, превратившись в живой заповедник. Благодаря уникальным условиям на Мадагаскаре жили и развивались виды, вымершие в остальных частях света. Как в таком райском месте могли происходить события вроде убийства Ивана? И что делать с таинственной Амели? Может, Эжени удастся что-нибудь разузнать? Мне просто повезло, что буквально в первый день на Мадагаскаре я встретила человека, с которым можно поделиться своими проблемами!

Я уже засыпала, как вдруг какой-то звук, не похожий ни на лягушачьи трели, ни на скрип вентилятора, заставил меня распахнуть глаза: в номере кто-то был. И это не зверь: я слышала дыхание человека, и ужас сковал меня, словно льдом, несмотря на жару и духоту. От стены напротив отделилась черная тень и плавно скользнула ко мне, прежде чем я успела что-то предпринять. Сухая ладонь зажала мне рот.

– Обещайте не кричать, и я вас отпущу! – громко прошептал нападавший по-французски с сильным акцентом. Из-за акцента и страха я не сразу поняла смысл сказанного, а когда он все же до меня дошел, я затрясла головой в знак согласия. Почувствовав свободу, я потянулась к выключателю, но тот же голос предупредил:

– Нельзя!

– Кто вы и что делаете в моем номере?! – громким шепотом спросила я, постепенно успокаиваясь: если меня не прикончили сразу, то, скорее всего, мне это и не грозит.

– Узнаете в свое время. А пока – одевайтесь, только поскорее!

– Отвернитесь! – потребовала я.

– Обойдетесь! – твердо, но вполне дружелюбно ответил незнакомец. Он отступил в тень, и я не могла видеть его лица, однако подозревала, что он местный, потому что уже научилась отличать малагасийский акцент. – Думаете, я никогда не видел того, что вы в состоянии предъявить?

Пришлось подчиниться. А что делать: высунуться из окна и заорать на всю улицу в надежде, что кто-то услышит? Где гарантия, что я после этого не окажусь на асфальте с разможенным черепом? С другой стороны, зачем-то ведь он пришел, и, возможно, следует выяснить, какова его цель.

По понятным причинам я не стала снимать футболку, в которой спала, только натянула джинсы и всунула ноги в теннисные туфли. Набросив на плечи вязаную кофту (все-таки ночь на дворе), я повернулась к незваному гостю, который неподвижно стоял в тени, наблюдая за каждым моим движением. Хотя я и не могла видеть его лица, мне почему-то казалось, что он ухмыляется.

⁴ Эндемики (от *греч.* endemos – местный) – виды растений и животных, ограниченные в своем распространении относительно небольшой территорией.

– Ну, готовы? – спросил незнакомец, и я кивнула. – Тогда идите вперед. И не вздумайте выкинуть что-нибудь, а то. – И он красноречиво ткнул чем-то твердым между моими лопатками, едва я повернулась к двери. Скорее всего, «нечто» было дулом пистолета, и я не испытывала ни малейшего желания проверять свою догадку. Мы спустились в пустое фойе. За стойкой администратора не было ни души, и я понадеялась, что мой конвоир ничего не сотворил с ни в чем не повинным портье. Снаружи нас встретил и прохладный воздух ночи, и все та же буйно цветущая жакаранда. Теперь ее вид не показался мне романтичным: я слишком боялась за собственную жизнь. Вернее, не то чтобы я опасалась, что меня убьют, но страшилась неизвестности, ведь знание того, что может произойти, позволит продумать стратегию поведения, тогда как отсутствие этого знания лишает всех преимуществ.

Похититель втолкнул меня в машину, припаркованную с обратной стороны отеля, выходящей на глухие стены соседних зданий, и я тут же поняла, что в салоне не одна. Не успела я взглянуть на человека, ставшего моим соседом, как он отвернул меня от себя и ловко завязал глаза.

– Не дергайтесь, мадам, – услышала я другой голос. – Вам не причинят вреда, если вы сами не поспособствуете этому!

Я и не пыталась *способствовать*: что толку, если эти двое вооружены? Пока мы ехали, я, как рекомендуют в шпионских фильмах, считала повороты и прислушивалась к звукам, доносившимся через открытые окна автомобиля. Проблема в том, что Антананариву я совершенно не знаю, поэтому вряд ли это в дальнейшем поможет вычислить место, куда меня везут.

Я не знала, сколько прошло времени, но мне показалось, что мы ехали несколько часов. Потом двигатель заглушили, меня вытащили на воздух (надо признать, бережно, явно стараясь не причинить вреда) и, легонько подталкивая в спину, заставили двигаться вперед. Я шла, то и дело спотыкаясь то ли о камни, то ли о корни деревьев.

– Стоп! – наконец услышала я голос человека, похитившего меня из номера. – Можете снять повязку.

Что я и сделала с превеликим облегчением: чувствовать себя беспомощным слепым котенком – не самое приятное ощущение на свете! Я думала, что глаза легко привыкнут, ведь ночь на дворе, но меня ослепил яркий свет. Секунд через тридцать я сообразила, что нахожусь в центре круга, образованного множеством костров, у которых сидели и стояли люди. Некоторые из них носили камуфляжную форму, другие, коих большинство, были в гражданской одежде, но сомневаться в их принадлежности к какой-то военизированной группировке не приходилось: у большинства на поясе болтались армейские ножи, а рядом лежали автоматы. Однако я не почувствовала угрозы, направленной в мою сторону: все вели себя спокойно и глазели на меня скорее с любопытством, нежели с враждебностью.

– Так это она и есть? – услышала я и обернулась на голос. Ко мне приближался невысокий, плотный чернокожий мужчина в камуфляже. Его курчавые волосы были угольно-черными, как и короткая борода, а во французской речи почти отсутствовал акцент. Остановившись напротив, этот человек оглядел меня снизу доверху, сдвинув брови.

– Не знаю, что вы имеете в виду, – ответила я на его странную реплику, – но хотелось бы знать, по какому праву меня приволокли неизвестно куда среди ночи!

– А мне вот хотелось бы знать, – злобно вращая блестящими черными глазами, прошипел мужчина, наступая на меня, – почему приехавшая *неизвестно откуда* дамочка подняла на уши всю полицию Мадагаскара и нам теперь приходится бегать по острову, нигде не задерживаясь дольше суток!

– Я вас не понимаю! – повысила я голос, не отступая ни на шаг, хотя именно к этому меня вынуждал неизвестный.

– Вы хоть понимаете, с кем имеете дело? – с легким изумлением поинтересовался он, притормаживая и засовывая руки в карманы.

Оглядевшись, я увидела, что взгляды всех присутствующих устремлены на нас двоих. У меня не было возможности сосчитать их, но явно больше полусотни, – и это только те, кто расположился у костров: в палатках, скорее всего, народу и того больше.

– Ну, – начала я, – могу предположить, что вы – члены исламистской террористической группировки, как ее там... *Fifanampiana*?

– Ух ты, какая догадливая! – присвистнул мужчина и, к моему удивлению, вдруг громко расхохотался. – Значит, знаешь про нас, а? – неожиданно перешел он на «ты» и, обращаясь к своим людям, что-то прокричал, указывая на меня пальцем. Они ответили дружным хохотом.

– Может, знаешь, и как меня зовут? – вновь обратился он ко мне.

– Не имею удовольствия.

– Что ж, тогда представлюсь: мое имя Афу⁵, а эти люди – армия освобождения Мадагаскара.

– Очень приятно.

Он снова внимательно оглядел меня, усмехнулся и сказал:

– А ты не робкого десятка, дамочка! Ты мне нравишься.

Я едва сдержалась, чтобы не ответить, что Афу мне совершенно не нравится, но в данных обстоятельствах, когда силовое и всякое другое преимущество на его стороне, это представлялось не очень разумным.

– Да ты садись, садись со мной рядом, – неожиданно дружелюбно предложил Афу, указывая на расстеленный на сплетенных корнях деревьев соломенный коврик. – Погрейся у костра!

Я с удовольствием воспользовалась приглашением и протянула руки к огню. Афу уселся рядом, скрестив ноги по-турецки и не сводя с меня блестящих черных глаз. Все происходящее казалось нереальным, и, возможно, именно поэтому я больше не испытывала страха. Так как Афу молчал, я решила заговорить первой:

– Так, значит, вы и есть те самые террористы... Простите, я могу так вас называть?

– Да ради Аллаха – нас все так зовут! – развел руками командир. – Сами мы зовем себя партизанами, но нам плевать, как нас называют белые люди, потому что правда на нашей стороне. Мы боремся против ваших порядков и вашей лицемерной религии. Вы приносите на нашу землю чуждые народу ценности, совращаете людей, заставляете их желать низменных вещей, не имеющих никакого значения! Вы скупаете земли под свои курорты, восхищаетесь нашими природными заповедниками, а сами вырубаете леса и строите виллы и развлекательные центры. Из-за вас правительство сгоняет людей с земель, оставляя без средств к существованию!

Я мало что знала о Мадагаскаре помимо того, что прочла в брошюре, но сейчас почувствовала, что следовало бы быть более подкованной. Черт, я ведь понятия не имею даже, кто правит на Мадагаскаре – премьер-министр или президент? Существуют ли партии и какая находится у власти? И еще я понимала, что, скорее всего, Афу не во всем не прав. Горит Ближний Восток, беспокойно даже на наших собственных границах, и ответственность за все это несут именно белые люди. *Жадные* белые люди, для которых не существует моральных запретов, которые не считают чужих загубленных жизней и готовы жертвовать целыми народами ради собственных корыстных целей. Нас пугают террористами разных мастей, взрывают станции метро и вокзалы, но нам не позволяют задуматься над тем, отчего это происходит. Я ни в коем случае не оправдываю подобных действий, однако необходимо признать, что лишь некоторые «террористы» занимаются своим делом только потому, что не умеют и не желают заниматься ничем другим. Большинство ведомы определенными идеями и собственными представлениями о том, каким должно быть *справедливое* мироустройство. И Афу – один из них. А я, видимо, представляю для него все то, что он и подобные ему ненавидят. Тем не менее отвечать

⁵ Афу – огонь, пламя (*малаг.*).

за правительство Мадагаскара и трансконтинентальные корпорации, набивающие карманы за счет более бедных и менее технологически развитых стран, как-то не хотелось, поэтому я ответила на гневную тираду командира *Fifanampiana*.

– По-моему, господин Афу, вы преувеличиваете мое влияние на мировой капитал! – Я тут же пожалела о своих словах.

Однако, вопреки моим ожиданиям, он не рассердился и спокойно произнес:

– Ты отлично понимаешь, что я имею в виду. А нынче из-за твоего приезда нам вовсе нет покоя!

– Но что я сделала?!

– Ты подняла на уши русское посольство, а они дали пинка местной полиции, и те возобновили притухшую было «антитеррористическую операцию»! Нас гоняют с западного побережья на восточное, не давая передышки, и все по *твоей* вине!

– Мне нет никакого дела до вашей борьбы! Вернее, кто я такая, чтобы вмешиваться? Меня интересует только смерть Ивана Баландина, и все...

– Вот именно! – перебил он. – Кто тебе этот Иван Баландин, что ты так его защищаешь?

– Он мой бывший муж.

– Бывший? И кто же кого бросил?

– Я его, но какое это имеет значение?

– То есть ты его бросила, а теперь примчалась на край света выяснить обстоятельства его гибели?

– Да.

– Нет, странная ты женщина! – ухмыльнулся Афу без злобы. – Все СМИ кричат про Баландина, а мы понятия не имеем, о ком речь!

– В самом деле?

Это относилось и к новости о СМИ, и к тому, что Афу, похоже, действительно не знает, кто такой Иван. И это при том, что в полиции меня однозначно заверили: в его гибели виновна *Fifanampiana*!

– Ну, теперь-то мы знаем, что он был русским врачом и что кто-то его грохнул, но никому и дела нет, что эта смерть не на нашей совести! Правительство привыкло все валить на нас; им так удобно, потому что не надо ни за что отвечать.

– Я знаю, что наше посольство и полиция обвиняют вас, – кивнула я. – До недавнего времени и я в этом не сомневалась.

– Вот как? – удивился Афу, придвигаясь ближе. Его темнокожее лицо в свете костра выглядело красным, как у дьявола. – То есть теперь ты вдруг засомневалась: даже после того, как мы выкрали тебя из отеля?

– Да.

– И почему же?

– Потому что у меня появились сведения о том, что Ивана убили не местные.

– И откуда же у тебя такие *сведения*?

– Вы же понимаете, я не могу раскрыть свой источник: это может быть для него опасно. Похоже, правительству и впрямь невыгодно, чтобы правда выплыла наружу. Как я уже говорила, мне нет дела до вашей *борьбы*, но меня интересует правда о моем бывшем муже.

– Почему ты так о нем печешься? – спросил Афу. – Вы же расстались!

– Иван был хорошим, честным и бескорыстным человеком, каких мало, и ему, в отличие от большинства, было дело до всех, кто нуждается в помощи. Когда несчастье произошло с ним, никого не оказалось рядом, чтобы помочь. Мне сказали, что Ивана подозревают в торговле наркотическими препаратами, а я не могу позволить, чтобы его имя смешивали с грязью! И уж точно я не собиралась вам вредить, пытаясь выяснить обстоятельства его гибели – извините, если внесла свой вклад в ваши проблемы, я этого не хотела!

Афу молчал, неподвижным взглядом глядя на огонь. Казалось, он тщательно обдумывал мои слова.

– Хорошо, – сказал он наконец, – я тебе верю. Ты сказала, что знаешь, что твоего мужа убили не мы, а другие. Ты в курсе, за что?

Я покачала головой:

– Пытаюсь выяснить, но такое впечатление, что, в какую бы сторону я ни пошла, везде упираюсь в стену!

– Твой бывший ведь был врачом, верно? Я сказал, что европейцы принесли на Мадагаскар много бед, в том числе болезни, о которых раньше здесь никто не знал. Возможно, гибель твоего мужа связана с этим?

– Я на днях побывала в деревне, где убили Ивана. Жители там умирают от какой-то заразы. Иван этим занимался, но, видимо, не успел завершить начатое. Поначалу мне казалось, что это может быть яд, попавший в пищу или воду, но теперь становится ясно, что Иван был прав и мы имеем дело с вирусом или микробом.

– Такое возможно, – кивнул Афу. – Ты знаешь, что десять лет назад здесь случилась эпидемия?

– В самом деле?

– Тогда на западном побережье Мадагаскара умерло много народу. Никто не знал, откуда пришла болезнь, но эпидемия вскоре закончилась.

– Почему этот случай не получил широкой известности?

– Думаю, только потому, что во время эпидемии не умер ни один *белый* человек.

– Неужели?! – поразилась я. – Мадагаскар – центр мирового экотуризма, и тут полно белых!

– В том-то и вопрос: почему умирали только местные?

Я задумалась. В самом деле, не бывает, чтобы вирус убивал один вид, не нанося вреда другому. То есть, конечно, есть люди с более сильным иммунитетом или с какими-то индивидуальными особенностями, которые либо способствуют развитию болезни, либо препятствуют ему, однако о том, чтобы какая-то категория людей, по национальному или расовому признаку, страдала от заболевания, а другие – нет, я не слышала.

– Зачем вы привезли меня сюда? – спросила я. – Ради выкупа?

– А за тебя заплатят?

Я подумала об отце и честно ответила:

– Не знаю.

Афу покачал головой.

– Думаю, – сказал он, – мы могли бы найти кого-то побогаче! На самом деле я хотел посмотреть на человека, которому удалось развить бурную деятельность, едва ступив на остров.

– И как впечатление?

– Ну, я полагал, что ты будешь побольше и пострашнее!

Он широко улыбнулся.

– Простите, что разочаровала.

– Я переживу. Вроде ты тоже врач?

– Да.

– Пошли, осмотришь кое-кого.

Мы поднялись.

– Только предупреждаю, – запоздало сказала я, – у меня нет с собой ничего...

– Да ладно, – махнул рукой Афу. – Дадим все, что понадобится: у нас тут целый склад медикаментов!

Следуя за командиром, я опасалась, что речь о том же заболевании: в этом случае я, скорее всего, ничем помочь не смогу, и тогда неизвестно, какая судьба меня ожидает. Однако боялась я напрасно: у человека, лежащего на циновке внутри палатки, куда втолкнул меня Афу, оказалось огнестрельное ранение грудной клетки. Уф-ф, давненько я не имела дела с огнестрелом... вернее, это будет мой второй раз... А с *живым* подопытным – первый! Тем не менее хоть я и не хирург, а кое-что умею. Кроме того, после беглого осмотра оказалось, что пуля прошла навывлет, легкое не задето и, значит, никаких сверхъестественных усилий процедура не потребует. Подняв глаза на Афу, я спросила:

– Могу я поинтересоваться, зачем вам я? С таким ранением справился бы любой из ваших людей!

Афу криво усмехнулся:

– Ну, я подумал, раз у нас в кои-то веки появился настоящий врач, то почему бы ему, то бишь тебе, в качестве благодарности за наше гостеприимство не оказать ответную услугу?

Он называет мое похищение гостеприимством, как мило! Но я сочла за лучшее промолчать.

– Мне понадобятся медицинский спирт, скальпель, если есть...

– У нас все есть, док, – перебил Афу и, выглянув из палатки, что-то сказал человеку, стоящему снаружи. Через пять минут я получила в свое распоряжение «походную аптечку хирурга», то есть набор хирургических инструментов, антисептик, обезболивающие на выбор и качественный перевязочный материал. Я потратила на пациента около сорока минут и осталась довольна проделанной работой. Раненый вел себя мужественно, как и положено партизану... пардон, *террористу*, и только время от времени поглядывал на Афу, будто бы ища одобрения своему поведению. Афу критически осмотрел повязку и удовлетворенно хмыкнул.

– Что скажешь, приятель, – обратился он к раненому, – может, оставим ее у себя? – и подмигнул мне. – Нам не помешал бы врач, учитывая, что за нами гоняются несколько отрядов полиции!

– Меня скоро хватятся! – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. – И тогда за вами станет охотиться еще больше народу!

– Ты такая важная птица? – нахмурился Афу. – Тогда, может, нам и впрямь не следует расставаться: вдруг за тебя заплатят хорошие деньги?

Ну кто меня тянул за язык, спрашивается?! Но тут Афу рассмеялся, и на лице его вновь появилось дружелюбное выражение.

– Да ладно, ладно, не пугайся ты так! – сказал он, хлопнув меня по плечу. Рука у него была тяжелая, и я едва сдержала писк – завтра точно синяк будет. – Мысль, конечно, хорошая, но таскать с собой бабу по горам – занятие неблагодарное. Пошли выпьем чего-нибудь горячего, а потом тебя отвезут назад.

Едва я опустилась на свое место у костра, кто-то всунул мне в руки металлическую кружку с горячим кофе. Несмотря на то что у террористов... пардон, партизан, не было никакого оборудования, сваренный на открытом огне кофе оказался на удивление вкусным и ароматным – пожалуй, один из лучших напитков, который мне доводилось пить, и я быстро согрелась. Афу тоже пил кофе и наблюдал за мной, как будто я была диковинной зверюшкой.

– Знаешь, – задумчиво произнес он, переводя взгляд на пламя и шурясь от его яркости, – твой бывший был счастливым человеком!

– Почему? – спросила я.

– Ну, вы же развелись, а ты все равно ринулась сюда, чтобы узнать, как он погиб, – это дорогого стоит. Казалось бы, тебе не должно быть до него никакого дела... Что ты предпримешь теперь – вернешься домой?

– Нет. Во всяком случае, пока. Мне нужно разобраться с этим заболеванием. Как только получу результаты анализов, будет ясно, что происходит. Если речь действительно об эпидемии, придется связываться с местным министерством по здравоохранению...

– А как вы определяете, что имеете дело именно с эпидемией? – перебил Афу.

– Когда превышен эпидемиологический барьер.

– То есть?

– То есть когда на сто тысяч населения приходится сотня заболевших.

– Ого! На Мадагаскаре проживает всего-то около двадцати миллионов человек. Тебе надо поторопиться: если вирус и в самом деле опасен, наша борьба скоро может оказаться никому не нужной!

– Скажите честно, Афу, – попросила я, – зачем вы привезли меня сюда? Ведь не для того же, чтобы я подлечила вашего раненого!

– Я уже сказал: хотел посмотреть на женщину, которая подняла на уши полицию острова, которая до сих пор мирно дремала. И еще хотел сказать этой женщине, что мои люди не убивали ее мужа, потому что мы – не убийцы и никогда не причинили бы вреда человеку, который творил добро на этой земле. Было бы неплохо, если бы вы сообщили об этом властям, и, возможно, нас оставят в покое.

– Не думаю, что власти меня послушают! – вздохнула я. – Но я сделаю что смогу.

* * *

По приказу Афу меня отвезли поближе к Антананариву и высадили на дороге.

– Дальше ехать опасно – скоро рассветет, – сказал сопровождающий, снимая повязку с моих глаз. – Тут километров пять, вы легко дойдете пешком или вас кто-нибудь подвезет. Прощайте, мадам... и удачи!

С этими словами он запрыгнул в джип, и я, не успев вымолвить ни слова, осталась одна в темноте. Мягко говоря, страшно! Однако человек Афу оказался прав, и уже через полчаса горизонт посветлел. От быстрой ходьбы я согрелась и сняла кофту, обвязав ее вокруг пояса. Как назло, мимо за все время не проехало ни одной машины. Не то чтобы я не приучена к пешим прогулкам, однако, согласитесь, бродить по незнакомой территории в одиночку, да еще в такой час, не самое разумное. Да, мне повезло с «террористами» Афу, но ведь есть и бандиты, которым одинокая туристка покажется желанной добычей. Самое ужасное, что мне даже нечего им предложить, ведь денег я не взяла, и это может разозлить тех, кто вздумает на меня напасть... В голову лезли невеселые мысли, и я ускорила шаг, чтобы побыстрее добраться до людей и почувствовать себя в безопасности.

Мне казалось, что прошло часа три – не знаю, так ли на самом деле, – но вдруг за спиной я услышала звук приближающегося транспорта. Это была полицейская машина. Я принялась размахивать руками, и авто притормозило у обочины. Оттуда выскочил маленький юркий человечек в форме и с удивлением уставился на меня: очевидно, он не понимал, как кто-то вроде меня мог оказаться в таком месте. Я не горела желанием рассказывать правду. Во-первых, боялась: несмотря на дружелюбие Афу и его людей, я понимала, что их настроение и планы в отношении меня легко могут и перемениться. Во-вторых, я не хотела «подставлять» членов *Fifanampiana*, а полицейские, узнав о том, где я побывала, непременно захотят, чтобы я их туда отвела. Пришлось на ходу сочинять историю о том, что я ездила на экскурсию, припозднилась, а в дороге машина заглохла. В то время как гид остался дожидаться эвакуатор, я решила пойти пешком. Полицейские поверить не могли, что сумасшедшая туристка из России решилась на такой поступок, но им ничего не оставалось, кроме как подвезти меня до отеля. Я завалилась в постель, даже не приняв душ.

Проснулась я оттого, что кто-то барабанил в дверь. С трудом продрав глаза, я подковыляла к двери (все тело болело от долгой ходьбы). Ив Сегье был последним человеком, кого я ожидала увидеть на пороге своего номера. Ну вот, он уже вторично врывается сюда – это становится отвратительной привычкой!

– Где вас носит?! – рявкнул француз, буквально снеся меня. – Вы не понимаете, что можете вляпаться в историю, из которой даже я не сумею вас вытащить?

– Послушайте, Ив... – раздраженно начала я.

Он прервал меня:

– Я прихожу в отель, мне говорят, вы у себя. Я звоню – никто не подходит – ну, думаю, спит. А потом новости: вас подобрал на обочине патрульный полицейский автомобиль в нескольких километрах от столицы! Хорошо, что сейчас усилено патрулирование из-за террористов, а то неизвестно, добрались бы вы до гостиницы или сгинули бы где-нибудь в джунглях!

– Вы что, следите за мной? – спросила я, усаживаясь на краешек кровати. Несмотря на то что проспала не меньше пяти часов, я не ощущала себя отдохнувшей и с удовольствием завалилась бы в постель снова, если бы не присутствие Ива.

– Разве это удивительно? – ответил он вопросом на вопрос. – Что я чувствую ответственность за вас? Ведь это я привез вам известие о гибели Ивана и в какой-то степени из-за меня вы оказались здесь!

– Ой, что за ерунда, вы тут абсолютно ни при чем! – отмахнулась я. – Приехать сюда было *моим* решением и ничто не смогло бы меня остановить!

– Вы – самая упрямая женщина, какую я когда-либо знал!

– Спасибо.

– Это не комплимент! – Ив снова начинал злиться, и я отметила про себя, что это состояние ему идет: глаза сверкают, тонкие ноздри раздуваются, как у призовой лошади на старте... Господи, о чем я думаю?!

– Если вы выговорились, то, может, уйдете и дадите мне выспаться? – предложила я.

– Где вы были? Почему вас нашли на дороге под утро? А если бы вы натолкнулись на террористов, на которых правительство устроило охоту?

– Ну, в некотором роде так оно и получилось.

– Что?!

– Я думаю, вам лучше присесть, – вздохнула я, решив, что нет смысла скрывать от Ива правду.

Ив послушно опустил в плетеное кресло напротив, устремив на меня вопросительный взгляд.

– Почему мне кажется, – пробормотал он, – что сейчас я услышу что-то, что мне не понравится?

– Да вы провидец! В общем, так. Вчера ночью меня похитили...

– Похитили?! – перебил он. – Вы шутите?!

– И не думала даже. Так вот, эти люди отвезли меня в джунгли...

– Погодите, Тамара, какие «эти люди»? О ком вы говорите?

– О террористах, разумеется!

– О... о *террористах*?!

– Ну да, ведь это они меня похитили. Эта организация, которую упоминали в полиции, *Fifanampriana*. Я попала к человеку по имени Афу...

– Афу?! Да вы хоть представляете, что это за фрукт? На его счету похищения иностранцев с требованием выкупа и несколько взрывов в общественных местах!

– А мне не показалось, что он так уж опасен. Вернее, может, для кого-то и опасен, но этот Афу вполне адекватный тип, и у него, надо признать, неплохая «программа».

– Что у него – *программа*?

– Прогнать иностранцев, чтобы они не оказывали влияния на политику острова и не нарушали его экологию...

– Ничего себе! – фыркнул Ив. – У вас стокгольмский синдром!

– Возможно, но ведь они отпустили меня, верно? И никакого выкупа не потребовали!

– Тогда за каким дьяволом вы им понадобились?

– Сама толком не поняла, – честно ответила я. – Афу сказал, что хотел посмотреть на женщину, из-за которой поднялась волна карательной операции. А еще он сказал, что не убивал Ивана.

– Ну да, как же! Неужели вы думали, он признается?

– Я ему верю. Более того, у меня имеются доказательства.

– Доказательства чего?

– Того, что Афу и его люди не имеют отношения к смерти Ивана.

– Вот как? И что же это за доказательства?

– Кое-кто видел, как это произошло.

– Что-о?!

– Похоже, Ивана застрелили *белые* люди, европейцы.

– Это невозможно! Кто он, этот ваш «свидетель»?

– Неважно.

– Нет, черт подери, важно! Вы говорите, что знаете убийц Ивана, а потом утверждаете, что тот, кто вам это рассказал, не имеет значения!

– Понимаете, он только *видел*, как убивали, но не понял, о чем говорили убийцы, как и не сумел идентифицировать их.

– Но это полностью расходится с тем, что утверждает полиция! – озадаченно пробормотал Ив.

– А я о чем? Если Ивана застрелили террористы, это одно, но если... Что, если он вовсе не был случайной жертвой?

– То есть вы предполагаете, убийство преднамеренное? Но это же ни в какие ворота не лезет! За что кому-то желать Ивану смерти: у него не было врагов!

– Выходит, были, – упрямо поджав губы, процедила я. – Кстати, раз уж вы все равно здесь, хочу у вас кое-что спросить.

– Ну, спрашивайте.

– Вам знакомо имя Амели Дегрэ?

– *Дегрэ*?

– Она вроде бы журналистка. И она знала Ивана – люди говорят, что видели их вместе.

– Откуда вам известно это имя? – спросил Ив.

– Говорю же, их видели вместе с Иваном. И в той деревне, где люди заболели.

– В какой еще деревне?

– В той, неподалеку от которой убили Ивана. Вы ведь знаете эту Амели, да?

– Что вам известно о ней? Где она?

– Я думала, вы мне скажете! – огорчилась я. – Значит, она не уехала во Францию?

– Не уехала? Почему вы так решили?

– Потому что эта женщина – настоящий фантом! Все ее видели, но никто не знает, куда она подевалась. Я полезла в Интернет посмотреть, какого рода статьи писала Дегрэ, но – что бы вы думали? – ничего не обнаружила!

– Быть этого не может, – покачал головой Ив. – Амели достаточно известная личность!

– Неужели? – нахмурилась я. – Сами проверьте – лично я ничего не нашла, ни строчки! Получается, вы неплохо с ней знакомы?

– Мы встречались.

– Встречались в смысле – *встречались*?

- В этом самом смысле. Амели пропала.
- Пропала?!
- Да. Никто не видел ее с тех пор, как убили Ивана. Она не вылетала с Мадагаскара, а по-другому уехать отсюда невозможно.
- Вот это да!
- Я думаю, она тоже мертва, просто тело еще не нашли.
- Но за что ее могли убить? Вы считаете, это как-то связано с ее профессиональной деятельностью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.